Ø5300
T-76

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ,
* * ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ * *

1930 г. № 1 (27)

Музей

И. М. ТРОЦКИЙ

Т-75

ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПРИ НИКОЛАЕ I

115109 ir
Проверено 1937

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1930

7-я
типография Мосполиграфа
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ"
Москва, Филипповский, 13.

З. Т. 1669. Тираж 10.000.
Главлит № А—73366.

СтАт Б 6—125×176 мм 9 п. л.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 25687 1933

ОТ АВТОРА

История русской политической полиции еще не изучена. До сих пор исследователи подходили к архивам III Отделения и Департамента полиции только как к материалу по истории революционного движения. Между тем выяснение социальной природы и функций полицейской организации является чрезвычайно существенным для понимания позиции царского правительства в классовой борьбе и его политики. Задача эта поставлена на очередь, но еще не разрешена. Тем труднее дать популярный очерк по истории хотя бы ограниченного промежутка времени жизни политической полиции. Автор настоящего очерка и не претендовал дать исчерпывающую характеристику III Отделения времен Николая I. Задача книжки — в отдельных очерках сделать беглую сводку известного уже о III Отделении материала, по возможности представить общие очертания этого учреждения. Состояние вопроса в нашей исторической литературе

пока допускает только такую постановку темы. В некоторых случаях я привлекал, впрочем, и неизданный материал — там, где под рукой оказывались архивные выписки, сделанные мною в связи с моими специальными работами.

Политическая полиция в начале XIX века

Впервые слово «полиция» прозвучало в России в 1718 году, когда учреждена была городская полиция и в Петербурге создана должность генерал-полицеймейстера. Вслед за ней появилась и полиция «земская», а в 1721 г. в «Регламенте главному магистрату» были определены круг действий и особенности нового учреждения[1]. В этой программе полицейской службы функции полиции были обрисованы в чрезвычайно торжественных выражениях; она должна была заботиться об интересах добра и правосудия, преследовать разбойников и воров, заниматься общественным благоустройством и городским строительством, бороться с дороговизной.Наконец, по словам «Регламента», полиция же «призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих; защищает вдовиц, сирых и чужестранных... вкратце же — полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности».

---

1 Полное собрание законов № 3750.

В эти пышные выражения «Регламент главному магистрату» Петр I облекал довольно прозаические действительные функции городской полиции, выросшей в результате административной реформы начала XVIII века, — функции, в которых поимка воров и разбойников занимала значительно больше места, чем призрение и защита нищих, вдовиц и сирых. На ряду с этими обязанностями, в круг полицейской деятельности входили и иные, более скромные и незаметные, но не менее важные с государственной точки зрения. Недовольство центральным правительством, принимавшее в различных классах общества самые разнообразные формы, заставляло держаться настороже. Петр прекрасно понимал, что для спокойствия его правления недостаточно поставить на открытых местах одетых в голландские мундиры, напудренных будочников, вменив им в обязанность «чинение добрых домостроителей и предостережение приключающихся болезней»; при нем на новых началах организуется и тайная полиция. Правда, большая часть ее концентрировалась в столицах, заботливо опекая царскую персону Петра от лихих людей и тщательно изыскивая «слова и дела государевы». Но и провинция не избегала ее отеческого надзора. Так, в инструкции полковнику и астраханскому губернатору Волынскому Петр предписывал ему «иметь смотрение... чтоб в жителях астраханских... не было какой шаткости, из которой-нибудь стороны подсылок и побуждения к

возмущению к каким противностям, и для того, где надлежит, держать для проведения тайных подсыльщиков» [1].

Впрочем, история полицейских учреждений XVIII века как явных, так и тайных, довольно темна, что объясняется отсутствием какой бы то ни было системы в организации этого дела. Историк русской полиции, говоря о функциях ее в XVIII в., принужден был с недоумением развести руками: «Разнохарактерность должностных лиц и учреждений, на которые возлагались полицейские обязанности, сама по себе, разумеется, должна была порождать путаницу в отправлении полицейских функций; но путаница эта значительно усиливалась еще тем, что полицейская компетенция этих лиц и учреждений подвергалась частым и довольно резким изменениям».

Некоторая попытка привести в порядок эту сложную систему полицейских взаимоотношений была произведена в 1802 году, с образованием министерств. Уже вступая на престол, Александр I торжественно уничтожил тайную экспедицию, резко осудив в манифесте 2 апр. 1801 г. широко развернувшуюся при его отце организацию тайного политического сыска. Тем не менее, вслед за публичным осуждением полицейской практики предшествующей эпохи началось, на первых порах, впрочем, без особой энергии, собственное полицейское строительство.

---

[1] П. С. З. № 3622.

Так, уже в октябре 1802 г. новоиспеченный министр внутренних дел граф В. П. Кочубей заинтересовался существованием в Петербурге тайной полиции и запросил о ней военного генерал-губернатора. Тот отвечал, что такая полиция действительно существует на строго конспиративных началах, и представил список агентов и устав «тайной полицейской экспедиции», на основании которой они действовали. Приводим выдержку из этой любопытной инструкции, отчетливо, хотя и не очень грамотно, но без официального лицемерия формулирующей задачи политического сыска [1].

«Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению самодержавной власти и безопасности правления, как-то: словесные и письменные возмущения, заговоры, дерзкие или возжигательные речи, измены, тайные скопища толкователей законов, учреждениев, как мер, принимаемых правительством, разглашателей новостей важных, как предосудительных правительству и управляющим, осмеяний, пасквилесочинителей, вообще все то, что относиться может до государя лично, как правления его.

Тайная полицейская экспедиция старается иметь точные и беспрерывные сведения о мыслях и суждениях народных, касательно до государя и правления его... ».

[1] Архив III Отделения, дело 1802 г., № 2.

Работа этой экспедиции была поставлена, повидимому, довольно кустарно. Прежде всего обращает на себя внимание целиком иностранный состав ее аппарата. Объяснение, повидимому, нужно искать в напряженной боязни проникновения революционной заразы с запада, боязни, не прекращавшейся у русского правительства с самого начала Великой французской революции. Якобинская бацилла мерещилась в каждом иностранце, независимо от занимаемого им положения. Не даром в той же инструкции тайной экспедиции мы находим следующий параграф:

«Тайная полицейская экспедиция должна ведать о всех приезжих иностранных людях, где они жительствуют, их связи, дела, сообщества, образ жизни, и бдение иметь о поведении оных».

Единственным постоянным расходом экспедиции были «пенсионы» швейцарам у иностранных посольств; при этом имелись в виду не столько интересы дипломатического шпионажа, сколько именно политического сыска. Таким образом было удобнее собирать сведения о прибывающих иностранцах, их занятиях, намерениях и образе жизни. Иногда сомнительными казались даже иностранные вельможи. Так, в смутные для правительства дни после Семеновского восстания 1820 г. было учреждено наблюдение даже за испанским посланником, долго интересовавшим полицию, пока не выяснилось, что единственное его занятие — визиты к светским дамам.

Секретная экспедиция, таким образом, вовсе не была уничтожена. Тайная полиция при петербургском военном генерал-губернаторе осталась; спустя несколько лет, в 1807 г., когда война с Наполеоном заставила правительство обратить сугубое внимание на политическую полицию, секретная экспедиция была учреждена и в Москве. В соответствующей инструкции мы находим, между прочим, и первые известные нам в истории русской полиции точные указания на обязанности и состав тайной агентуры [1].

«Допустить к сему делу людей разного состояния и различных наций, но сколь возможно благонадежнейших, обязывая их при вступлении в должность строжайщими, значимость гражданской и духовной присяги имеющими реверсами о беспристрастном донесении самой истины и охранения в высочайшей степени тайны, хотя бы кто впоследствии времени и выбыл из сего рода службы.

Они должны будут, одеваясь по приличию и надобностям, находиться во всех стечениях народных между крестьян и господских слуг: в питейных и кофейных домах, трахтирах, в клобах, на рынках, на горах, на гуляниях, на карточных играх, где и сами играть могут, также между читающими газеты, словом — везде, где примечания делать, поступки видеть, слышать, выведывать и образ мыслей проникать возможно».

---

[1] Архив III Отделения, дело 1807 г., № 8.

Дело, конечно, не ограничивалось организацией секретных экспедиций в Петербурге и Москве. Полицейская сеть неизменно ширилась и разрасталась. Нужно, однако, заметить, что двойственность политики, так часто отмечавшаяся в характеристиках александровского правления, особенно осложнялась в области полицейской организации рядом моментов личного характера. История русского престола в XVIII веке не могла дать юному венценосцу, самому только-что перешагнувшему через труп отца, каких-нибудь прочных гарантий спокойствия его царствования и даже личной безопасности. Александр всю жизнь боялся повторения отцовской судьбы и всякое брожение в обществе, всякое недовольство считал направленным прежде всего против своей особы. В 1807 г., когда, после неудачной войны и вынужденного Тильзитского мира, в широких кругах дворянского общества проявилась хотя и довольно упорная, но все же скрытая и пассивная оппозиция, Александр говорил французскому послу Саввари:

— Если эти подлецы хотят меня убить, пусть поторопятся; но пусть не думают, что могут заставить меня сдаться...

В этих опасениях он постоянно окружал себя полицией, хотя, по свойственной ему внутренней противоречивости, терпеть не мог, чтобы кто-нибудь из охранявших его полицейских чинов попадался ему на глаза.

В своей борьбе с «либеральным духом» император, сам же провозглашавший либеральные начала, мог опереться на стойкую еще стену помещиков-крепостников, не меньше его боявшихся революционного призрака. В этом пункте разногласий между Александром и дворянством не было. Но, организуя полицейский режим, Александр не доверял и самой полиции. Отсюда — неровность полицейской организации и соперничество отдельных полицейских учреждений, продолжавшееся в течение всего царствования.

Перестраивая систему управления на французский лад, Александр, повидимому, с особым интересом присматривался к устройству французской полиции. При всей его неприязненности к Наполеону, последний должен был импонировать русскому самодержцу своей державностью, своим уменьем заставить себе повиноваться. К тому же иллюзорные угрозы, окружавшие Александра, были для Наполеона вполне реальными, и он умел с ними расправляться твердо и решительно. В этом деле основным его орудием была тайная полиция.

Созданное Наполеоном при помощи знаменитого Фуше министерство полиции придало последней огромное значение во внутренней жизни страны.

«Фуше сумел дать сильный и грозный толчок французской полиции... Никого так не страшились префекты департаментов, как министра полиции; они слепо повиновались его малейшему распоряжению; казалось, что на самом оттиске его печати

была надпись «повиновение!», и они говорили при получении депеш: «прежде всего полиция».

Так представляет историк французской полиции, живший вскоре после описываемых событий, значение созданного Фуше полицейского аппарата.

Правда, сам Фуше в своих мемуарах жалуется на стоявшие перед ним трудности: «...Моя система часто вызывала обвинения и порицания. Против меня был Люсьен (брат Наполеона), то-есть министр внутренних дел, имевший свою собственную полицию... Между тем восторжествовал макиавелевский принцип «divide et impera»[1] вскоре оказалось четыре различных полиции: военная полиция дворца, созданная адъютантами и Дюроком; полиция жандармской инспектуры; полиция префектуры, управляемая Дюбуа, и моя... Таким образом, первый консул каждый день получал четыре отдельных бюллетеня, исходивших из разных источников, которые он и мог сравнивать, не говоря уже о его различных доверенных корреспондентах. Это он называл пробой пульса республики».

Стремление к дублированию осведомительных органов — черта, характерная для деспотического правления, вообще подозрительного, а особенно в те периоды, когда общественные отношения требуют перехода к иной форме государственной

---

1. Разделяй и повелевай.

жизни. И неудивительно, что Александр I в своих интересах к „haute police“ [1] шел за учреждениями бонапартовской Франции. Но если Наполеон, твердо проводивший принцип разделения, все же сумел сосредоточить в руках одного министерства достаточно власти для усмирения непокорных, то болезненно мнительный и никому по-настоящему не доверявший русский царь, «властитель слабый и лукавый», как называл его Пушкин, так и не сумел справиться с поставленной себе задачей [2].

В 1805 г. был организован Комитет для совещания по делам высшей полиции, особенно в области «сохранения всеобщего спокойствия и тишины граждан и облегчения народного продовольствия». К практической работе он, впрочем, не приступил и вскоре был заменен Комитетом охранения общественной безопасности, возникшим в 1807 г. и имевшим уже явно политические задачи. В инструкции комитету, написанной Ново-

---

[1] Высшая полиция.

[2] В какой мере русское правительство интересовалось французской полицейской организацией, показывает любопытное письмо министра полиции Балашова к посланнику в Пруссии графу Х. А. Ливену. В письме, между прочим, говорится: «Что же касается до устава секретной высшей полиции во Франции, то на доклад мой его императорское величество изъявить изволил высочайшее соизволение на употребление вашим сиятельством нужной для приобретения сего манускрипта суммы, хотя б она и ту превосходила, которую австрийское правительство заплатило, лишь бы только удалось вам сделать сие, теперь весьма нужное, приобретение, в чем особенно его величество изволил интересоваться...» (Архив III Отд., дело I-й эксп., 1810 г., № 7).

сильцевым, указывалось, что необходимость такого учреждения вызывается тем, что «коварное правительство Франции, достигая всеми средствами пагубной цели своей, повсеместных разрушений и дезорганизации, между прочим, как известно, покровительствует рассеянным во всех землях остаткам тайных обществ под названием иллюминатов, мартинистов и других тому подобных...»

Мы уже отметили, что, учреждая и развивая тайную полицию, правительство в значительной степени шло навстречу чаяниям основной поддерживающей его классовой группы — консервативных помещиков. Не менее того, как носитель верховной власти боялся повторения событий, возведших на престол его и его бабку, боялись и дворяне новой пугачевщины, грозно нараставшей в непрестанных крестьянских волнениях. Полицейские мероприятия власти подчас прямо были рассчитаны на сочувствие определенных общественных кругов. Характерно поэтому, что и учреждение Комитета безопасности, несмотря на явное его противоречие основному направлению первых лет царствования и на неприятный в ту пору французский оттенок его названия, встречено было довольно дружелюбно: «...На сих днях,—записал в своем дневнике 17 января 1807 года благонамеренный чиновник С. П. Жихарев,— учрежден особый комитет для рассмотрения дел, касающихся до нарушения общественного спокой-

ствия. Слава богу. Пора обуздать болтовню людей неблагонамеренных: может быть, иные врут и по глупости, находясь под влиянием французов; но и глупца унять можно, когда он вреден. А сверх того, не надобно забывать, что нет глупца, который бы не имел своих подражателей... следовательно, учреждение комитета как-раз во-время».

Возникший как междуведомственное совещание министров, заинтересованных в полицейском благополучии страны, комитет этот довольно быстро вырос в самостоятельную организацию, завел собственную канцелярию и в непродолжительном времени оказался заваленным самыми разнообразными делами. Однако и эта организация не удовлетворила правительство, и на ряду с ней в 1810 году было учреждено специальное Министерство полиции, нарочито для этого выделенное из Министерства внутренних дел.

Подобная мера, явственно свидетельствовавшая о растущей недоверчивости правительства, уже не встретила особенно приязненного отношения со стороны высших кругов, Они чувствовали себя также взятыми на подозрение и резонно обижались.

В позднейших своих «Воспоминаниях» известный консерватор Ф. Ф. Вигель выразил это чувство, свалив, правда, вину на Сперанского, якобы подражавшего наполеоновским образцам: «Преобразователь России забыл или не хотел вспомнить, что в положении двух императоров была ве-

ликая разница. Две трети подданных Наполеона почитали его хищником престола и всегда готовы были к заговорам и возмущениям: пока он сражался с внешними врагами, для удержания внутренних был ему необходим искусник Фуше. То ли было в России?»

Правительство, однако, держалось иного мнения и полагало, что без «искусника Фуше» ему не обойтись. Таковой обнаружился в лице недавно назначенного генерал-адъютантом и исполняющим должность петербургского военного генерал-губернатора А. Д. Балашова, ему-то, и было вручено управление новообразованным ведомством. В довольно широкий круг его деятельности, вместе с малоопределенными «происшествиями» и «неповинением», входили шарлатанство, совращение, надзор за тюрьмами, арестантами, беглыми, раскольниками, пристанодержателями, буянами, развратниками и пр., а рядом наблюдение за иностранцами, рекрутские наборы, сооружение мостов, продовольствие, корчемство и пр. Но главным движущим нервом министерства была его канцелярия «по делам особенным», куда входили все те дела, «которые министр полиции сочтет нужным предоставить собственному своему сведению и разрешению».

Компетенция министра полиции определялась таким образом им самим, и роль его в государственных делах стала расти все более чувствительно.

Государственный
Историческая
библиотека

Любопытна фигура русского Фуше, которого можно считать основоположником русской тайной полиции, значительно к тому же усовершенствовавшим методы политического сыска. Это была фигура несомненно незаурядная и сумевшая оставить современникам долгую о себе память, хотя и не очень приятного свойства. Среди многочисленных отзывов о нем мы находим только один всецело благожелательный, принадлежащий, впрочем, слишком заинтересованному лицу. «Не был нимало горд или тщеславен,— писал он сам о себе,— я врожденную имею ненависть к поступкам подлым и враг раболепию, и принудить себя не могу к тому даже, что хотя не есть подлость, но подобие подлости имеет». Приводящий эти слова бар. М. А. Корф, вовсе не питавший вражды к деятелям реакционного толка, прибавляет: «Писал он так, а между тем на самом деле не только способен был, но имел особенную наклонность, особенное влечение ко всякому предательству, ко всякой подлости, ко всякому даже вымыслу, который мог способствовать его видам». Более страстную и сильную характеристику Балашова дает И. М. Долгоруков, имевший несчастье лично испытать на себе его немилость: «Александр Дмитриевич, министр полиции при Александре I, человек черный, владеющий в тончайшей степени шпионским искусством и по сердцу привязанный к сему низкому ремеслу. В то время, когда лукавство называлось мудростью, а пронырство чело

веческим достоинством, он слыл человеком необходимым»[1].

Александр знал, кому доверить сложное и многохитростное дело. Искусный и ловкий интриган, любивший это дело почти как художник и вместе не забывавший никогда своей собственной выгоды, Балашов, может быть, не обладал нужной степенью государственного ума, но этого Александру и не требовалось. Прописанная Сперанским Министерству полиции гражданская мораль была быстро отброшена, и Балашов стал с особенным усердием создавать тонкий организм «глаза и уха государева». В помощь себе он приблизил Якова де-Санглена, назначенного директором канцелярии министра и, как можно догадываться, явившегося соавтором нововведенной системы. Главными средствами почитались те, которые с таким успехом применял в Париже Фуше: шпионаж и провокация. Нужно, впрочем, отметить, что агентами на первых порах часто являлись доносители добровольные, и только постепенно собирался кадр профессиональных шпионов и провокаторов. «Со времени войны с французами,— заносил 7 апреля 1807 г. в свой дневник С. П. Жихарев,— появился в Москве особый разряд людей под названием «нувеллистов», которых все занятие состоит в том, чтоб собирать разные новости, развозить их по городу и рассуждать о

---

[1] Кн. И. М. Долгоруков «Капище моего сердца», изд. II прил. к «Р. Арх.» 1890 г., стр. 22—23.

делах политических». Опыт французской полиции говорил, что подобные люди, благодаря своим широким общественным связям и повсеместной принятости, могут оказывать в агентурной службе чрезвычайно важные услуги; преемник Фуше, Савари, характеризуя в своих мемуарах эту общественную разновидность, называет ее для полиции «драгоценной». По этим двум путям и направились устремления Министерства полиции, вскоре окончательно реорганизованного, по словам гр. В. П. Кочубея, в министерство шпионства.

В записке на высочайшее имя, поданной Кочубеем в 1819 г., когда он принимал полицейское дело обратно в лоно Министерства внутренних дел, система Балашова описывается следующим образом: «Город закипел шпионами всякого рода: тут были и иностранные, и русские шпионы, состоявшие на жалованьи, шпионы добровольные; практиковалось постоянное переодевание полицейских офицеров; уверяют даже, что сам министр прибегал к переодеванью. Эти агенты не ограничивались тем, что собирали известия и доставляли правительству возможность предупреждения преступления,— они старались возбуждать преступления и подозрения. Они входили в доверенность к лицам разных слоев общества, выражали неудовольствие на ваше величество, порицая правительственные мероприятия, прибегали к выдумкам, чтобы вызвать откровенность со стороны этих лиц или услышать от них жалобы. Всему этому дава-

лось потом направление сообразно видам лиц, руководивших этим делом. Мелкому люду, напуганному такими доносами, приходилось входить в сделки с второстепенными агентами Министерства полиции, как, напр., с Сангленом и пр...»

Затянув паучьей сетью шпионажа страну, Балашов создал себе независимое и выгодное положение в первом ряду бюрократического строя. Но стремление вверх и врожденная любовь к интриге оборвали его расцветавшую карьеру.

С началом войны 1812 г. Балашов, сохраняя титул министра до самого закрытия министерства, фактически получает отставку и отправляется в армию, где, повидимому, принимал участие в создании военной полиции.

Роль Министерства полиции в то время ясно характеризуется тем, что временным председателем Совета министров был назначен заместитель Балашова, С. К. Вязьмитинов. Но при нем, несомненно, деятельность министерства падает; были ли тому причиной преклонный возраст его, лишавший его возможности лично принимать, подобно Балашову, участие в полицейских авантюрах и, конечно, отражавшийся на размахе его энергии, или просто неумение и неприспособленность нового министра, но значение ведомства уменьшается, так что после смерти Вязьмитинова ему и не подыскивали преемников, превратив министерство снова в особое отделение Министерства внутренних дел, где граф Кочубей, не желавший

марать свою репутацию «постыдным промыслом шпиона» и, по словам Вигеля, «как бы гнушавшийся этою частью», предоставил полиции значительно более скромное положение.

Александр пришел к выводу, что, несмотря на всю полезность «искусников Фуше», создавать их при себе небезопасно, и лучше воспользоваться другим приемом своего французского образца — приемом разделения полицейских органов и их взаимного контроля.

«В Петербурге,—пишет А. И. Михайловский-Данилевский,— была тройная полиция: одна в Министерстве внутренних дел, другая у военного генерал-губернатора, а третья у графа Аракчеева; тогда даже называли по именам тех из шпионов, которые были приметны в обществах, как-то: Новосильцова, князя Мещерского и других». Специальная полиция создавалась в армии: с 1815 года стали формироваться жандармские полки. «В армиях было шпионство также очень велико: говорят, что примечали за нами, генералами, что знали, чем мы занимаемся, играем ли в карты, и тому подобный вздор».

Помимо столичных агентур, политический розыск учреждался и в провинции. Так, совершенно самостоятельное поручение получил начальник южных поселений граф И. О. Витт. Это был любопытный представитель иностранного авантюризма на русской почве, человек, несколько раз менявший знамя и одно время бывший наполео-

новским агентом в Польше. В русскую службу он пришел с французскими навыками и вкусами в деле политического сыска, и, конечно, дарования его не могли остаться без употребления. «Того ж 1819 года,— писал он в записке о «поручениях, в которых был употреблен императором Александром»,— по дошедшим до покойного императора известиям, повелено было мне иметь наблюдение за губерниями Киевскою, Волынскою, Подольскою, при чем его величество изволил поручить мне употреблять агентов, которые никому не были бы известны, кроме меня...» Деятельность Витта, как можно судить по скудным данным, дошедшим до нас, была довольно энергична. Во всяком случае, это был единственный полицейских дел мастер, собственными путями пришедший к раскрытию декабристской организации. Он даже пытался с провокационными целями войти в Южное общество, но не был принят, и должен был удовлетвориться донесениями своих агентов. И если открытия его не принесли правительству практической пользы, то в этом уже не было его вины. После Семеновского бунта было обращено особое внимание на армию и к уже существовавшим полициям присоединились еще две — в I-й и во II-й армиях. Разношерстность и спутанность надзора доходили до такой бессмыслицы, что сам «без лести преданный» императору граф Аракчеев находился под бдительным наблюдением агентов своего коллеги, петербургского военного генерал-

губернатора Милорадовича: «Квартальные следили за каждым шагом всемогущего графа,—вспоминал декабрист Батеньков.— Полицмейстер Чихачев обыкновенно угодничал и изменял обеим сторонам. Мне самому граф указал на одного из квартальных, который, будучи переодетым в партикулярное платье, спрятался торопливо в мелочную лавочку, когда увидел нас на набережной Фонтанки». Города кишели шпионами, зорко следившими за каждым происшествием, из которого можно было создать «дело» и состряпать донос. Получая скудное жалование, они хищнически набрасывались на обывателя и ложились на него тяжелым дополнительным налогом.

Иностранец Май дает такие зарисовки полицейских нравов: «С тех пор как ни высота положения, ни полное ничтожество не могут избавить от маккиавелевских стремлений полиции, каждому, а особенно иностранцам, необходимо усиленно заботиться о том, чтобы всегда иметь при себе в наличии сумму, достаточную для объяснений в случае какой-нибудь неприятности. Когда вас, по соображениям, являющимся обычно результатом произвола, приведут к какому-нибудь из этих маленьких агентов, вы сначала видите, как покрывается тучами его лоб и как каждый мускул его тела угрожающе сокращается. Его пронзительный голос не скупится на ругань; он ее расточает вам с тем беззастенчивым нахальством, которое свойственно только низменным существам, уверенным

в своей власти. Но сверкните перед его глазами серебром, доставьте ему уверенность, что содержимое вашего кошелька переселится к нему,—этот нос, который был так высоко поднят, опускается до земли; заносчивая поза сменяется самой почтительной; он униженнейше принесет вам извинения в происшедшей ошибке и освободит вас с изысканной вежливостью, ожидая, пока первый случай не приведет вас пред его суд, чтобы снова обчистить вас тем же способом».

Что здесь мы имеем не злостный поклеп со стороны пострадавшего от преследований русской полиции иностранца, можно убедиться на основании полицейских же донесений о «толках и настроениях умов в России» того времени. Так, о столичной секретной полиции говорили, что она «большею частью поручена была Фогелю... который расстроил до основания сие учреждение. Известность Фогеля, его развратность превращают сию полицию в коварное ябедничество, в притязательное отягощение публики, особенно иностранцев, и наносит вред полицейским распоряжениям всего правительства, кои, при настоящем времени, лишь облагородствованием своим могут приносить существенную пользу»[1].

Хотя правительство и держалось довольно высокого мнения о своей системе, — «наша внешняя полиция не оставляет желать ничего лучшего», писал императору министр внутренних дел граф

[1] «Русск. Стар.,» 1881 г., т. XXXII, стр. 671.

Кочубей, — на самом деле она приносила не очень обильные плоды. Сбивчивость и неуверенность правительственных распоряжений толкали полицейские органы в самые различные стороны, а персональный их состав не обладал достаточной квалификацией для самостоятельных действий. Добровольные шпионы, вербовавшиеся из более высоких общественных слоев, нагромождали в своих донесениях небылицы и нелепицы, что хотя и вызывалось их усердием и рвением, но ставило правительство в затруднительное положение. Что касается до профессионалов, то именно о них писал Батеньков: «Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуметь под словами карбонарии и либералы, и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, и доносы обрабатывали, как приходило в голову. Никому не были они страшны...»

Для характеристики агентуры приведем официальный отзыв об одном из самых энергичных шпионов военной полиции — Брокере: «Брокер с самого приезда доныне каждонедельно подает начальнику штаба записки о всем случившемся в городе, а по злобному характеру наполняет клеветами на людей, удалившихся от него, и на тех даже, которые его ласкают, не забывая начальства...».

При такой организации, с такими людьми трудно было добиться каких-нибудь результатов. Сам глава секретной полиции Милорадовича — Фогель — впоследствии с сокрушением вспоминал, как он, неусыпно следя за каждым иностранным парикмахером, проморгал заговор декабристов.

Дело кончилось грандиозным скандалом. О существовании охватившего всю страну тайного общества начальника столичной полиции графа Милорадовича осведомила только пуля Каховского. Начавшееся в грохоте декабрьских пушек царствование прежде всего озаботилось реорганизацией полицейского наблюдения.

Учреждение III Отделения и социальная политика Николая I

«В высочайшем манифесте о восшествии вашем на престол, как бы в утешение народу, сказано, что ваше царствование будет продолжением предыдущего. О, государь, ужели сокрыто от вас, что эта самая мысль страшила всех, и что одна только уверенность общая в непременной перемене порядка вещей говорила в пользу цесаревича?»

Так писал Николаю из крепости старый прожектер и идеолог российского третьего сословия— декабрист барон В. И. Штейнгейль. Так писал не он один. Многие из его соузников,— одни, очарованные лукавым и ласковым обхождением императора, другие — желая, чтобы принесенная ими

жертва не пропала даром — также изливали в письмах и записках свою гражданскую скорбь. Действительно, Николай не оставил без внимания советы своих «друзей четырнадцатого декабря», как он их назвал впоследствии, повелев даже составить специальный свод их показаниям и запискам с критикой государственного устройства России. Непосредственная причина опасения Штейнгейля оказалась неоправданной. Николай не во всем пошел по стопам своего брата, хотя и показал, что, следуя собственным путем, может зажать страну в еще более крепкие тиски дисциплины и полицейского благополучия.

Новое правительство во многом не походило на предыдущее. Не обладая широтой взглядов своего предшественника и мировыми масштабами его, впрочем, довольно неопределенных стремлений, Николай зато крепко придерживался того небольшого круга идей, которые он положил в основу своей философии; доминирующее положение среди них занимала идея самодержавия, и она и явилась психологическим стержнем всей личной политики Николая в течение его тридцатилетнего царствования. Если рост общественных отношений в противоположную абсолютизму сторону и вынуждал иногда правительство на те или иные мероприятия, то делалось это вопреки его основному направлению и в виде отдельных опытов. Вообще же Николай правил самодержавно, заменяя

планомерное законодательство своими личными распоряжениями по тем или иным поводам [1].

Первые шаги его активной деятельности происходили под знаком двух противоречивых, но властных настроений. С одной стороны, нужно было положить предел посягательствам на свою власть, на право престола, который династией Романовых вообще рассматривался, как личная, в лучшем случае семейная собственность. Но, желая избежать повторения революционного восстания, Николай не мог не отдавать себе отчета в том, что критика существующего порядка, данная декабристами, во многом отвечает истине и что, не изменяя причин, нельзя быть уверенным в предотвращении последствий. В примирении этих противоречий и сложились основные черты николаевской политики: мелкие, частичные реформы государственного строя, обязательно исходящие притом от верховной власти, и реорганизация аппарата, путем придания ему большей самодержавности, большей дисциплинированности и покорности.

«Стремление влить новое вино в старые меха, притом в такой умеренной дозе, чтобы меха не пострадали, и укрепить устарелые формы от напора нового содержания всеми силами власти — характерная черта николаевской политики» [2].

---

[1] Четкая характеристика личной политики Николая дана в книге проф. А. Е. Пресняков «Апогей самодержавия» Л. 1925.

[2] А. Е. Пресняков, указ. соч., стр. 41.

Превыше всего ставивший дисциплину и из всех общественных организаций симпатизировавший только военной, Николай сам относился к своим государственным обязанностям с добросовестностью исполнительного ротмистра. Он стремился принимать личное участие в разрешении всякого дела, независимо от его масштабов и значения. Не доверяя бюрократической системе управления, особенно широко развернувшейся со времени административных реформ его брата, он пытался превратить всю несметную чиновническую массу, от министров до коллежских регистраторов, в покорных исполнителей царской и только царской воли. Не имея возможности одеть в цветной мундир все приказное сословие, он удовлетворялся тем, что создал свою собственную военную «опричнину» в виде жандармского корпуса, и центральным нервом всего правительственного аппарата сделал свою личную канцелярию, в которой особенное значение получило знаменитое ее Третье Отделение.

«События 14 декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение... »

Так писал будущий граф и главноуправляющий III Отделением А. Х. Бенкендорф в записке, поданной им зимою 1826 г., вскоре после начала след-

ствия по делу декабристов. Констатируя таким образом совершенно очевидный факт неудовлетворительной постановки дела полицейского наблюдения, он тут же предлагал план его преобразования, одновременно делая очень прозрачные намеки личного свойства: «Для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали, и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника...»

Далее Бенкендорф предлагал присвоить этому «главному начальнику» звание министра полиции и инспектора жандармерии и объединить в его руках, таким образом, существовавшие самостоятельные полиции, что должно было явиться прочным залогом успешности борьбы со всяческими крамолами и неблагонамеренностями.

Так была пущена в ход главная пружина жандармской организации, оттолкнувшаяся от декабрьского восстания. Последнее сразу вдохнуло живительные силы в дремавшую тайную полицию. Ничего не сделав для раскрытия заговора, полицейские агенты энергично взялись за дело, когда слабость и поражение тайного общества стали явны. Вполне консервативный современник рассказывает в своих воспоминаниях, как на следующий же день после 14 декабря «началось для жителей Петербурга тревожное состояние... Все агенты, состоящие при особой канцелярии и при воен-

ном генерал-губернаторе, были в деле. Это имело своего рода неудобство: все лично неизвестные этим господам, особенно молодые люди, были предметом их наблюдений в публичных местах. Когда вам случалось пить кофе в кондитерской или обедать в ресторане, то непременно перед вами сновал какой-то незнакомец, пристально вглядывался в вашу физиономию, потом уходил в другую комнату, вынимал из кармана бумажку и, повидимому, поверял ваши приметы с тем, что у него было записано. В театре, даже в церкви вы встречали зоркие глаза, следящие за вами. К штатным агентам присоединилось еще немало дилетантов, и они-то были самые назойливые, а притом самые неискусные ищейки».

Автор этих строк от полицейской суетливости испытывал только легкие неудобства, но обстановку он передает верно. Другое дело, что на долю многих выпадали значительно большие невзгоды, чем испорченный аппетит во время обеда. Полицейские дела того времени рассказывают о десятках и сотнях людей, высланных из столицы так, за здорово живешь, только потому, что они не были приставлены к какому-нибудь официальному делу и казались подозрительными в глазах полицейских ищеек.

Предметом внимания и наблюдения стало в первую очередь среднее военное и интеллигентное дворянство,— та среда, которая породила декабристов. Если раньше слежка направлялась, глав-

ным образом, в сторону иностранцев и знатных бар, то теперь эти две группы отошли на второй план. Вместе с тем правительство прекрасно сознавало, что то же самое дворянство, которое породило декабристов, в массе своей является самой твердой опорой престола против революции. Заинтересованное в сохранении основы русского абсолютизма — крепостного права, среднее поместное дворянство готово было всячески притти центральной власти на помощь в деле охранения существующего порядка. Это обстоятельство и было учтено при создании III Отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Прежде всего Николай отказался от предложенного Бенкендорфом «министерства полиции»[1]. Это учреждение было скомпрометировано в предшествующее десятилетие. Для того чтобы сделать полицию высшим государственным органом страны, нужно было придать ей некоторое благообразие, выделить из числа обычных бюрократических учреждений, создать подобие «новых мехов». И Николай включает политическую полицию, как и комиссию по составлению законов, — две важнейшие с его точки зрения государственные отрасли, — в состав собственной канцелярии.

---

[1] Бенкендорф очень добивался именно этого титула, памятуя значение министра полиции при предыдущем царствовании. В возмещение он получил звание шефа жандармов, главноуправляющего императорской квартирой и III Отделением.

Формально реформа выразилась в уничтожении особенной канцелярии Министерства внутренних дел и передаче всех ее функций в III Отделение. 3 июля 1826 г. был издан соответствующий указ, следующим образом определявший задачи нового учреждения [1]:

«Предметом занятий сего III Отделения собственной моей канцелярии назначаю:

1. Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции.

2. Сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов.

3. Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и пр., коих разыскание и дальнейшее производство остается в зависимости министерств — финансов и внутренних дел.

4. Сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.

5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.

6. Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в коих заключаются государственные преступники.

7. Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел государства прибывающих и из оного выбывающих.

---

[1] II Полное собр. зак. № 449.

8. Ведомости о всех без исключения происшествиях.

9. Статистические сведения, до полиции относящиеся... »

Круг действий III Отделения в этом указе очерчен не слишком определенно: критерия «всех вообще случаев высшей полиции» мы не находим. Этот критерий передавался на благоусмотрение самого жандармского начальства. Немудрено, что III Отделение очень скоро стало вмешиваться во все почти государственные дела, независимо от их характера и масштаба. Основные задачи нового учреждения были, однако, ясны сразу, и уже у современников мы находим отчетливое понимание и этих задач и фактического их осуществления.

Вот как оценивает происшедшую реформу Ф. Ф. Вигель, напоминаем читателю, фигура вполне определенного, консервативного лагеря:

«Особая канцелярия по секретной части со времен Балашова существовала сперва при Министерстве полиции, а по уничтожении его — при Министерстве внутренних дел. Действия ее были незаметны, особенно после взятия Парижа. Все говорили смело, всякий, что хотел. Канцелярия сия переименована теперь в III Отделение собственной его величества канцелярии. Бенкендорф назначен главноуправляющим. Он же назначен вместе и шефом Копуса жандармов, которому поручен надзор за порядком в целом государстве. Этот Корпус составлен был из нескольких округов; к

каждому из них принадлежало несколько губерний. Окружными начальниками назначены были генералы, а в губернии определяемы были один штаб и несколько обер-офицеров, и весь этот обсервационный корпус сформирован был к концу года.

«Учреждение сего рода полиции, кажется, имело двоякую цель. Жандармы обязаны были открывать всякие дурные умыслы против правительства и, если где станут проявляться вредные политические идеи, препятствовать их распространению. Кроме того, всякий штаб-офицер сего корпуса должен был в губернии, где находился, наблюдать за справедливым решением дел в судах, указывать губернаторам на всякие вообще беспорядки, на лихоимство гражданских чиновников, на жестокое обращение помещиков, и доносить о том начальству. Намерение, конечно, казалось наилучшим, но к исполнению его где было сыскать людей добросовестных, беспристрастных, сведущих и прозорливых?»

Вигель очень точно определяет цели правительства. С одной стороны — высшая полиция, охранение существующего строя во что бы то ни стало, подавление любого намека на революцию, из какого бы класса ни раздавалось недовольство. С другой стороны — облегчение положения населения, борьба с бюрократическим произволом, с беспорядками в судах и т. д. Известна и много раз приводилась в печати инструкция, являющаяся по

существу трафаретной для всего жандармского корпуса. Написанная высоким и чувствительным языком, инструкция эта вменяла жандармским офицерам в обязанность утирать слезы невинных, пещись о сирых и пр. Отбрасывая эту официальную фразеологию, мы видим, что основной задачей инструкция ставит, кроме пресечения всяких «злоупотреблений, беспорядков и законопротивных поступков»,—борьбу с бюрократизмом. Сколько дел,—восторженно декламирует шеф жандармов в своей инструкции,—сколько беззаконных и бесконечных тягот посредством вашим прекратиться могут, сколько злоумышленных людей, жаждущих воспользоваться собственностью ближнего, устрашатся приводить в дайствие пагубные свои намерения, когда они будут удостоверены, что невинным жертвам их алчности проложен прямой и кратчайший путь к покровительству его императорского величества». Наоборот, особенно выделять надо работу честных и непорочных чиновников: Вы даже по собственному влечению вашего сердца стараться будете узнавать, где есть должностные люди, совершенно бедные или сирые, служащие бескорыстно верой и правдой, не могущие даже снискать пропитание одним жалованием,—о таковых имеете доставлять мне подробные сведения для оказания им возможного пособия и тем самым выполнить священную на сей предмет волю его императорского величества отыскать скромных вернослужащих».

Заканчивалась инструкция чрезвычайным расширением сферы жандармской компетенции: «Впрочем, нет возможности поименовать здесь все случаи и предметы, на которые вы должны обратить внимание, ни предначертать вам правила, какими вы во всех случаях должны руководствоваться; но я полагаюсь в том на вашу прозорливость, а более еще на беспристрастное и благородное направление ваших мыслей».

Нужно заметить, что борьба с бюрократической системой ставилась III Отделением всерьез. Система эта, особенно развившаяся в царствование Александра I, в связи с усложнившимся строем общественной жизни, к тому времени сложилась в довольно широкое и крепкое, хотя не очень стройное здание. Современники, привыкшие персонифицировать причины социальных явлений, связывали рост бюрократизма с деятельностью Сперанского: «В кабинете Сперанского, в его гостиной, в его обществе... зародилось совсем новое сословие, дотоле неизвестное, которое, беспрестанно умножаясь, можно сказать, как сеткой покрывает ныне всю Россию, — сословие бюрократов», писал Вигель. Чиновники размножались в таком несметном количестве, что появились специальные казенные города, высший круг которых состоял исключительно из должностных лиц; к таким городам принадлежал и выведенный Гоголем в «Ревизоре», единственными неслужилыми дворянами которого были, повидимому, Бобчинский и Добчинский.

Вместе с ростом аппарата росла и путаница взаимоотношений отдельных его частей, росло и количество злоупотреблений. При том порядке, который господствовал в первой четверти XIX века, когда во время судебных разбирательств приходилось справляться с боярскими приговорами времен царя Михаила Федоровича, а «Уложение» его сына было единственным кодифицированным памятником действующего права, немудрено было, что российское правосудие представляло зрелище довольно жалкое. Вместе с тем сохранялся незыблемым принцип «кормлений», согласно которому каждое должностное лицо должно было питаться от рода своей службы. Оклады чиновников были поразительно ничтожны. Какой-нибудь полицеймейстер или почтмейстер не могли существовать на свое скудное жалование. Первый из них, получая 600 руб. асс. в год, принужден был тратить на одну свою канцелярию не менее 4.000 руб., а содержания последнего едва ли доставало на отопление, освещение конторы, бумагу, сургуч, свинец и укупорочные материалы.

Губернии делились по признаку рентабельности. Описывая одного из пензенских губернаторов, Вигель говорит: «...Новый губернатор царствовал тирански, деспотически. Он действовал, как человек, который убежден, что лихоимство есть неотъемлемое священное право всех тех, кои облечены какою-либо властию, и говорил о том непринужденно, откровенно. Мне, признаюсь, это

нравилось: истинное убеждение во всяком человеке готов я уважать. Иногда в присутствии пензенских жителей позволял он себе смеяться над недостатком их в щедрости: «Хороша здесь ярмарка», говорил он им с досадною усмешкой: «Бердичевская в Волынской губернии дает тридцать тысяч серебром губернатору, а мне здесь купчишки поднесли три пуда сахару. Вот я же их!»

Лихоимство и казнокрадство пронизывало весь правительственный аппарат, до низших его рядов включительно. Население облагалось такими поборами, что даже воры бросали свой промысел, не желая отдавать львиную долю добычи местной администрации [1].

Подобное положение вызывало резкий протест населения, при чем в первую очередь приходилось считаться с мнением торгово-промышленных кругов, приобретавших все больший удельный вес в общественной жизни; а промышленники и купцы вынуждены были делиться своими прибылями с администрацией, что, впрочем, еще не освобождало их от различных сюрпризов со стороны местных помпадуров. И само дворянство в своей хозяйственной деятельности неизбежно сталкивалось с чиновничеством, завися от него в своих судебных, кредитных и подрядных делах.

[1] «Один исправник И. в Уфе говорил, что раз известного воришку-татагина он видит на козлах ямщиком. «Что, Абдулка», спрашивает он: «разве перестал красть?» —„Бросил, бачка, подумал: что напрасно на чужой человек работать?» (И. С. Листовский «Рассказы из недавней старины», «Р. Арх.», 1882, т. I, стр. 178).

Между тем, никакого контроля по существу не было. С учреждением министерств в 1802 году они были поставлены под контроль Сената, но это учреждение, в течение всего XVIII века пресмыкавшееся перед многочисленными временщиками многочисленных императриц, уже не имело достаточного авторитета для суждения хотя бы об общих министерских отчетах. К тому же, по словам Сперанского, «из самых сих отчетов усмотрено было, что все разрешения министров и все их меры принимаемы были не иначе, как по докладу, и совершены высочайшими указами, на указы же постановлением 1803 г. воспрещено было Сенату делать примечания». В целях контроля было создано специальное ведомство, но, как заявил первый государственный контролер бар. Б. Б. Кампенгаузен Г. С. Батенькову, он «искренно желал учредить в России контроль и завел только путаницу, мелочные придирки, необъятное множество бумаг».

О том, что III Отделение всерьез относилось к поставленной ему в области контроля задаче, свидетельствует дошедшая до нас переписка Фока с Бенкендорфом, во время пребывания последнего на коронации в Москве. Рассуждая о внутренних непорядках, Фок в письме от 17 сентября 1826 г. пишет: «...Городское управление должно знать законы и быть столь же беспристрастным, как они. Да это, скажут, план республики de Morus [1]. Поло-

[1] Мора; имеется в виду знаменитая «Утопия» Томаса Мора.

жим так, но это не причина отказываться от совершенствования полицейского управления». В следующем письме он соглашается с ходящими в городе толками: «Бюрократия, говорят, это гложущий червь, которого следует уничтожить огнем или железом; в противном случае невозможны ни личная безопасность, ни осуществление самых благих и хорошо обдуманных намерений, которые, конечно, противны интересам этой гидры, более опасной, чем сказочная гидра. Она ненасытна; это пропасть, становящаяся все шире по мере того, как прибывают бросаемые в нее жертвы... Начатые с этой целью преследования настолько же полезны, насколько и необходимы, — в этом все согласны...» Впрочем, старый служака, имевший и время, и случай познакомиться с работой бюрократического механизма, смотрел на возможность успеха начатой кампании довольно скептически: «Подавить происки бюрократии, — замечает он в одном из предшествующих писем, — намерение благотворное; но ведь чем дальше продвигаешься вперед, тем больше встречаешь виновных, так что, вследствие одной уж многочисленности их, они останутся безнаказанными... По меньшей мере, преследование их затруднится и неизбежно проникнется характером сплетен».

В скрещении этих двух линий жандармской деятельности нашло свое выражение основное противоречие социальной политики Николая. Не желая никаких политических компромиссов, пра-

вительство не могло не чувствовать происходящих социальных изменений. С одной стороны, нужно было всячески подавлять крестьянские волнения, с другой — уже 19 июня 1826 г. (за шесть дней до создания должности шефа жандармов) помещикам было предписано «христианское и сообразное с законами обращение с крестьянами». С одной стороны, требовалось пресекать в зародыше вольные мысли в головах дворянских и буржуазных интеллигентов, с другой — в реальной политике правительство действовало как агент торгового и промышленного капиталов. Нужно было сохранить «устои» и приобрести популярность. Последнейто как-раз и мешало бюрократическое средостение, отделявшее центральную власть от господствующих классов. И здесь, по меткому выражению М. Н. Покровского, «демагогические тенденции вели туда же, куда вело и сознание своих обер-полицеймейстерских обязанностей».

На практике борьба с бюрократизмом, как и предвидел Фок, оказалась бесплодной. Уничтожить его можно было только революционным путем, а этого не хотели ни страдавшая от чиновничьих поборов буржуазия, ни дворянство, особенно среднее дворянство, для которого административная деятельность постепенно становится ремеслом. Если раньше дворянство предпочитало малоприбыльную в общем военную службу, то сейчас, в силу роста капиталистических отношений в сельском хозяйстве, оно начинает смотреть на службу,

как на источник дохода. Среднее и мелкое дворянство быстрыми шагами шло к обнищанию, и в желании спасти его «николаевское правительство ставит себе двойную задачу: восстановить социальную силу дворянства и выработать из него орудие правительственной администрации»[1]. Так монархия дворянская постепенно перерождалась в дворянско-бюрократическую, и этот процесс в продолжение николаевского царствования зашел так далеко, что нашел выражение и в изменении даже внешней физиономии дворянского общества. Тонкий наблюдатель, Герцен заметил по этому поводу: «Александр продолжал образованные традиции Екатерины, при Николае светски-аристократический тон заменяется сухим, формальным, дерзко-деспотическим, с одной стороны, и беспрекословно покорным — с другой; смесь наполеоновской отрывистой и грубой манеры с чиновничьим бездушием».

Столичный консервативный дворянин из уверенного в доходности своих имений, слегка фрондирующего светского куртизана превращается в человека типа «чего изволите», с эластичным спинным хребтом, позволяющим сохранить милость вышестоящих, и юпитерским басом, служащим для удержания в покорности подвластных. И немудрено, что учреждение, возникшее как отрицание бюрократизма, само не только

---

[1] А. Е. Пресняков «Апогей самодержавия». Л., 1925, стр. 37.

насквозь пропиталось им, но сделалось его особенно ярким представителем, создав себе даже особое положение регулятора всей административной и общественной жизни страны, особого государства в государстве. Такова была даже официальная идеология III Отделения: жандармский офицер А. Ломачевский рассказывает, как он представлялся шефу жандармов, «который, объяснив мне в общих выражениях инструкцию губернского штаб-офицера, прибавил, что звание это требует не только честного, благородного и вполне безукоризненного образа действий, но и осторожности дипломата, потому что, как выразился он, государь наш, определяя в каждую губернию жандармского штаб-офицера, желает видеть в нем такого же посланника, такого же честного и полезного представителя правительства, какого имеет он в Лондоне, Вене, Берлине и Париже».

Этот разговор относится к 1838 году. Как-раз в это время происходила достройка здания III Отделения, завершение бюрократической стройности его аппарата.

Структура и организация III Отделения

Третье отделение строилось в сравнительно спокойное время: в течение всего николаевского царствования в России не было ни одного крупного революционного выступления. Такое положение позволяло не торопиться с организацией

учреждения, и при всей своей суетливости и кажущейся загруженности важнейшими делами, III Отделение довольно долго не могло собраться привести в единообразие свои разнородные части.

При образовании III Отделения в него вошли три составных элемента: особенная канцелярия Министерства внутренних дел, возглавлявшаяся фон-Фоком, находившаяся в ведении того же Фока тайная агентура и жандармерия. Последняя и сама по себе была явлением сложным.

«Отдельный корпус жандармов, — читаем мы в официальном обзоре Министерства внутренних дел, — сложился из двух элементов: из жандармского полка, несшего военно-полицейскую службу при войсках, и из жандармских частей корпуса внутренней стражи. Жандармы при войсках впервые появляются 10 июня 1815 года, когда главнокомандующий Барклай-де-Толли предписал избрать в каждом кавалерийском полку по одному благонадежному офицеру и по 5 рядовых, на коих возложить наблюдение за порядком на марше, на бивуаках и кантонир-квартирах, отвод раненых во время сражения на перевязочные пункты, поимку мародеров и т. п. Чины эти наименованы жандармами и отданы в распоряжение корпусных командиров».

Очевидно набор жандармов внутри полков препятствовал их изолированию от прочей солдатской массы. «27 августа того же года отдельные жандармские команды уничтожены, а взамен

того Борисоглебский драгунский полк переименован в жандармский, и на него возложена полицейская служба при войсках; три эскадрона этого полка распределены небольшими отрядами по всем кавалерийским и пехотным корпусам, другие три эскадрона прикомандированы к главным квартирам армий, а седьмой эскадрон назначен для пополнения убыли. При этом приказано на укомплектование жандармского полка обращать исключительно нижних чинов, расторопных, отличного поведения и вообще способных исполнять военно-полицейскую службу, требующую особых качеств».

Этот жандармский полк нес, таким образом, полицейские функции исключительно в армии. На ряду с ним уже с 1810 г. существовал корпус внутренней стражи, обслуживавший гражданские власти «при поимке воров и разбойников, в случае неповиновения власти, при взыскании податей и недоимок». В 1817 г. в составе этого корпуса были учреждены жандармские дивизионы. Но управление ими было чрезвычайно пестро: в то время как одни жандармские части подчинялись обер-полицеймейстерам, другие ведались гарнизонными командирами.

Учреждение должности шефа жандармов не положило конца этой организационной неурядице. Одними жандармскими частями Бенкендорф ведал целиком, другими лишь «в инспекторском отношении». Так дело продолжалось до 1836 г., когда был сформирован Отдельный корпус

жандармов. Самое единство III Отделения и жандармерии держалось только на личной унии шефа жандармов и начальника III Отделения. Только в 1839 г. должность начальника штаба Корпуса жандармов была соединена с должностью управляющего III Отделением, и лишь в 1842 г. окончательно слились все жандармские части.

Вся эта работа была проведена под непосредственным воздействием Л. В. Дубельта, которого и можно считать творцом жандармской системы в том виде, в каком она существовала при нем и впоследствии. Но на характеристике этого крупнейшего николаевского жандарма мы остановимся позднее.

Само по себе III Отделение являлось учреждением с сравнительно небольшим аппаратом. Первоначально личный состав был определен в 16 человек, которые должны были обслуживать все четыре экспедиции. Функции между этими экспедициями распределялись следующим образом:

I экспедиция ведала всеми политическими делами — «предметами высшей полиции и сведениями о лицах, состоящих под полицейским надзором».

II экспедиция — раскольниками, сектантами фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, местами заключения и... крестьянским вопросом.

III экспедиция занималась специально иностранцами.

IV экспедиция вела переписку о «всех вообще происшествиях», ведала личным составом, пожалованиями и т. п.

Постепенно работа III Отделения усложнялась. В 1828 г. к кругу его деятельности была причислена и театральная цензура, в 1842 г. выделенная в специальную пятую экспедицию. Увеличивалось и число служащих: к концу николаевского царствования штат состоял из 40 человек. Тем не менее, строгого размежевания дел между экспедициями не было, в течение долгого времени не было и установленной формы переписки. Наиболее же секретные дела, в том числе и работа тайной агентуры, были подчинены непосредственно управляющему III Отделением — сначала М. М. фон-Фоку, потом А. Н. Мордвинову и Л. В. Дубельту. Управляющий отделением вместе с двумя-тремя наиболее ответственными сотрудниками собственно и являлся центральным двигателем всей системы. Он непосредственно сносился с тайными агентами, на его имя поступали многочисленные доносы и жалобы, от него зависело дать делу тот или иной оборот, так или иначе редактировать всеподданнейший доклад и т. п.

Такова была структура «центральной шпионской конторы», как называл III Отделение Герцен. На местах делами политической полиции ведали местные жандармские управления. Вся страна была разделена на несколько (сначала пять, потом восемь) жандармских округов, во главе которых

стояли высшие жандармские чины. Округа в свою очередь распадались на отделения. На отделение приходилось обычно 2—3 губернии; начальниками назначались жандармские штаб-офицеры.

Так пущена была в ход жандармская машина. В дальнейшем мы познакомимся с отдельными видами ее деятельности. К сожалению, бедная литература по истории тайной полиции особенно бедна по части сведений о «приватной» агентуре III Отделения. Поэтому в настоящий момент мы не в состоянии дать сколько-нибудь точную картину полицейского наблюдения того времени. Но уже по результатам его можно судить, что поставлено оно было довольно примитивно. Исследователи революционного движения 60-х годов, знакомясь со сводками агентурных донесений о революционных деятелях, — Лаврове, Чернышевском, — отмечают чрезвычайную скудость шпионских данных. Наблюдение за Чернышевским, по словам А. А. Шилова [1], показывает «низкий уровень агентов... Их донесения не выходили из пределов данных наружного наблюдения или сообщений о «толках и слухах». Никакой «внутренней агентуры», дававшей впоследствии столько ценных для охранки сведений, не существовало. Не существовало и настоящих «секретных сотрудников» [2]. Данные «наружного наблюдения», «толки и слухи», перлюстрация писем,

[1] «Кр. Архив», 1926 г., т. XIV, стр. 85.

[2] Т.-е. провокаторов.

материалы, получаемые при обысках, и «откровенные показания» раскаивавшегося или доведенного каким-нибудь способом до «раскаяния» допрашиваемого,—вот чем располагало III Отделение в начале 60-х гг.».

Если так обстояло дело в 60-х годах, когда жандармерия мобилизовала свои силы для борьбы с поднимающейся революционной волной, то в предшествующую эпоху, гораздо более спокойную, наблюдение было поставлено еще хуже. Постоянные агенты, слонявшиеся по рынкам и трактирам и редко-редко проникавшие в дома так называемого «приличного общества», могли поставлять только материал «слухов и толков». На помощь им приходили шпионы-добровольцы, но сведения их на 90% оказывались ложными; чаще всего доносы эти появлялись в результате сведения мелких личных счетов. Впрочем, III отделение, памятуя, что в хорошем хозяйстве «и веревочка пригодится», никогда не отказывалось от их услуг, хотя наперед знало, что скорее всего дело кончится разочарованием. Не приносила значительных материалов и перлюстрация писем: это видно по тем совершенно безобидным письмам, которыми все же интересовались жандармские чины в чаянии хоть какой-нибудь поживы. Что касается постоянного наблюдения, то оно, повидимому, производилось сравнительно редко и чаще всего работало вхолостую.

Так, например, в мае 1849 г. в районе Зимнего дворца стал ежедневно гулять какой-то подозрительный незнакомец. Время было смутное, а место для прогулок было выбрано такое, что переполошилось не только III Отделение, но и все высшие власти. За неизвестным было установлено «наблюдение». 4 мая он на прогулку вовсе не вышел, чем очень смутил Дубельта: уж не скрылся ли? 5 мая он уже был задержан и оказался совершенно безвинным отставным драгунским поручиком. В оправдание своей ретивости Дубельт сообщал: «Кажется, что он несколько расстроен в уме». Но, вероятно, это пустая отговорка: жандармы любили, когда у них не было никакого материала для обвинения, уличать своих жертв в сумасшествии...

Сравнительно слабо по сравнению с последующим периодом организован был и внутренний справочный материал отделения. В недавно опубликованном отчете за 1828 год Бенкендорф писал: «За все три года своего существования надзор отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы, а также и апостолы русской конституции в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение». Карточки эти до нас не дошли, но трудно предполагать, чтобы они были составлены сколько-нибудь организованно. Во вся-

ком случае, в сохранившемся до нашего времени большом личном алфавите III Отделения помещены были только те фамилии, которые стояли в заголовках дел. Обычно, при столкновении с III Отделением какого-нибудь лица, управляющий требовал архивную «справку» о данном обвиняемом или просителе. И если на него специального дела заведено не было, архив отвечал, что сведений нет. Только в 70-х гг. был налажен справочный аппарат, использовавший не только обложки, но и содержание делопроизводства.

Систему политического сыска организовать, таким образом, не удалось. Местные представители жандармской власти должны были полагаться на свою наблюдательность, на случайные открытия агентов и главное—на всемерно поощряемое добровольное доносительство. Этим и объясняется мелочной контроль, установленный жандармами над самыми безобидными проявлениями общественной жизни. Дворянские балы, дружеские пирушки, собрания любителей карточной игры—все это, вплоть до семейной жизни обывателей, бралось под надзор. Поэтому-то жандармская опека и казалась такой трудной русским интеллигентам, а сами жандармы «всеведущими». Знали-то они, действительно, многое, но сведения их ограничивались «слухами и толками» и подглядыванием в замочную скважину. И не случайно произошло, что самое крупное политическое дело николаевского царствования—кружок петрашев-

цев—было раскрыто не жандармской агентурой, а конкурировавшей организацией—Министерством внутренних дел, в ведении которого оставалась обычная полиция.

Эта конкуренция, сильно затруднявшая действия III Отделения, началась с самого его зарождения. Уже 20 июля 1826 г. Фок жаловался Бенкендорфу: «Уверяют, что городская полиция, заметив, что существует деятельный надзор, собирается развернуть все находящиеся в ее распоряжении средства, дабы первой узнавать все, что делается, и будто бы на расходы полиции собственно на этот предмет прибавлено по 300 р. в месяц; говорят даже, что Фогель получит прибавку в 3.000 рублей, чтобы иметь возможность следить за всем с большею деятельностью и с большим успехом».

10 августа Фок жалуется снова, на этот раз уже на слежку, установленную городской полицией за его собственной агентурой: «Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Полицейские чиновники, переодетые во фраки, бродят около маленького домика, занимаемого мною, и наблюдают за теми, кто ко мне приходит... Ко всему этому следует прибавить, что Фогель и его сподвижники составляют и ежедневно представляют военному губернатору рапортички о том, что делают и говорят некоторые из моих агентов».

На местах губернские власти соперничали с жандармскими, и обе старательно втыкали друг другу палки в колеса. По положению и обычаю высшим лицом в губернии являлся губернатор. Рядом с ним становился жандарм, действовавший совершенно самостоятельно и при всяком удобном случае многозначительно кивавший на «вверенную ему высочайше утвержденную секретную инструкцию». Оба они, независимо друг от друга, доносили каждый своему начальству обо всем происходящем в губернии. Конечно, виной различных нарушений и непорядков оказывалась противная сторона, и легко себе представить, что от таких столкновений правительство мало выигрывало.

Блестящую и ядовитую характеристику этой конкуренции двух полицейских аппаратов дал Герцен в своем изложении дела петрашевцев.

Честь раскрытия этого общества принадлежала чиновнику Министерства внутренних дел, специализировавшемуся по части политического сыска, действительному статскому советнику И. П. Липранди. Слежка была начата в феврале 1848 г.

Дальнейшие события передаем словами Герцена.

В 1848 г. «министр внутренних дел получил уведомление о поведении Петрашевского. Он поселил одного шпиона, в качестве торговца табаком, в доме Петрашевского, чтобы войти в доверие его прислуги, а другого, по фамилии Анто-

нелли, официально причисленного к Министерству иностранных дел, обязали сообщать министерству о заседаниях общества. Счастливый своим открытием, Перовский докладывает о нем государю, но, может быть, вы думаете, что он шепнул об этом и своему коллеге по́ тайной полиции, графу Орлову? Боже сохрани! Он потерял бы тогда отличный случай доказать царю, что тайная полиция состоит из ничтожеств. Перовский хочет оставить себе одному честь спасения отечества. Поэтому граф Орлов в течение шести месяцев не знает об этом большом деле; Перовский потирает себе руки и ухмыляется. К сожалению, он не может велеть государю хранить тайну: в минуту гнева государь, прежде чем его птицелов успел протянуть все силки, сказал графу Орлову, что у его ищеек нет нюха, что это — сопливые собаки. Оскорбленный в своем самолюбии, граф Орлов собирает сведения и докладывает царю, что министр внутренних дел, чтобы возвысить себя, наговорил его величеству всякого вздора, что дело это совсем не так значительно, как его описывают, что не надо разукрашивать его особенно в глазах иностранцев, и, приняв некоторые патриархальные меры против главных вождей, можно прекратить дело без шума и скандала. Тогда Перовский, боясь, как бы столкновение мнений не выяснило правду, как бы не нашли только зародыш заговора, далеко не достигшего приписываемых ему размеров, и опасаясь, что вследствие

этого ему не будет дан в вознаграждение графский титул, упрашивает царя отсрочить арест виновных... Но у государя хватило терпения только на восемь месяцев; статья в „La Semaine" которая, обсуждая венгерские дела, говорила, что скоро у царя будет много своих хлопот, была каплей, переполнившей чашу. Царь не внимал убеждениям Перовского и назначил набег в ночь на 23 апреля (5 мая) 1849 г. Взаимное недоверие между начальниками двух полиций было так сильно, что каждый послал своего помощника. Со стороны графа Орлова был генерал Дубельт, а со стороны Перовского—Липранди...

«Как только первые подсудимые, в числе 48, были приведены утром в канцелярию графа Орлова, он имел удовольствие убедиться собственными глазами в том, что доклады Перовского были не вполне точны, по крайней мере в смысле личной значительности заговорщиков. Среди обвиняемых, на которых падали самые тяжелые подозрения, был мальчик 14-15 лет, жандармы разбудили его рано утром, и он мирно доканчивал свой сон в зале канцелярии, пока его не разбудил внезапно громкий голос графа Орлова: «Что заставило вас устроить заговор, а?.. Вас слишком хорошо кормили, сукины сыны, вы с жиру беситесь!». Этот взрыв гнева не был притворством знатного графа; он был искренен, потому что видел перед собой молодых людей, при помощи ко-

торых министр внутренних дел чуть было не подставил ему знатную подножку»[1].

В лице Антонелли, действовавшего в кружке петрашевцев, мы сталкиваемся с типичным провокатором. Не гнушалось провокации и III Отделение, но ему редко удавалось применить ее с пользой. Чтобы застращать Николая, жандармы частенько выдумывали «заговоры», но при ближайшем рассмотрении все эти «государственные преступления» оказывались блефом. Появились даже кустари провокации, на собственный риск и страх выдумывавшие «тайные общества». В этом смысле весьма поучительны истории Медокса и Шервуда, которых мы коснемся в следующей главе.

Наш очерк структуры III Отделения был бы не полон, если бы мы умолчали о заграничной агентуре. Дипломатический шпионаж существовал издавна. Агенты его комплектовались преимущественно из иностранцев и давали сведения не только по вопросам международной политики, но освещали и внутреннюю жизнь, и революционное движение европейских государств. Дело это, однако, было распылено по различным ведомствам и только с 30-х гг. начинает объединяться в руках III Отделения.

---

[1] Не все в этом рассказе точно с фактической стороны и в смысле хронологии. Орлов узнал о деле Петрашевского значительно раньше, чем это рисует Герцен. Но соперничество двух полиций изображено превосходно.

Непосредственным толчком явилось польское восстание 1830—1831 г. и появление польской эмиграции. По словам официального отчета, «с 1832 г. начинается ряд командировок чинов III Отделения за границу как для изучения на месте положения дел, так и для приискания надежных агентов и организации правильного наблюдения в важнейших пунктах. Следя за деятельностью польских выходцев, поселившихся в Западной Европе, III Отделение вместе с тем получало точные сведения о внутреннем политическом положении европейских государств, о деятельности и направлении различных политических партий, о силе и настроении правительств и об отношении их к России».

В 40-х годах к польской эмиграции присоединилась эмиграция русская. «Еще в 1843 г. III Отделение обратило внимание на деятельность первых русских выходцев: князя Петра Долгорукого и Ивана Головина во Франции и Бакунина в Швейцарии... В 1848 г. к числу русских выходцев присоединился и Герцен». Слежка за эмиграцией была поставлена, впрочем, тоже довольно кустарно. В Париже действовал Яков Толстой, разоблаченный уже в 1848 г. В Австрии и Пруссии приходилось больше рассчитывать на содействие местных полицейских учреждений, чем на собственные силы. Возложение же сыщических обязанностей на русских дипломатов не всегда приводило к желанным результатам. Как писал в 1858 г. Герцен,—

«все дельные русские дипломаты ясно понимают, что ничего нет общего между сношениями России с другими державами и вертепом III Отделения. Делать жандармов из послов—изобретение Николая. Поццо-ди-Борго, Пален и др. старались ему объяснить, что не всякий способен быть Дубельтом. Покойник (т.-е. Николай) этого не понимал и с тем изволил отбыть в Петропавловскую крепость».

Жандармы на страже самодержавия

Основной задачей III Отделения была борьба с крамолой: в николаевскую эпоху борьба эта была чрезвычайно облегчена, и III Отделение, при всех дефектах своей организации, относительно справлялось с работой. Во всяком случае в это время у жандармов не было крупных политических провалов, и даже в грозный для всей Европы 1848 год Дубельт в письме к находившемуся за границей В. А. Жуковскому мог с удовлетворением констатировать: «...У нас все тихо, благополучно, и мы должны благодарить господа бога, что он вручил нас такой благодетельной державной деснице».

Этот общественный застой имел вполне ясные для нас общественные причины. Характеризуя выше социальную политику николаевского правительства и самого Николая, поскольку он был немалой спицей в государственной повозке, мы отмечали свойственную этому времени двойствен-

лость. Двойственность эта, конечно, вытекала не из каких-нибудь личных качеств императора, а из двойственности, противоречивости основных линий развития николаевской России. Совмещение охранительства и демагогии обусловливалось переходным характером эпохи: «промышленный капитализм уже был налицо и боролся за власть с торговым, но последний пока был настолько силен, что не шел ни на одну явную уступку, стараясь закупить своего соперника тайными поблажками» [1]. Эта борьба промышленного и торгового капитала и взаимное их друг к другу приспособление и определяют расстановку классовых сил эпохи.

Если в предшествующий период русское сельское хозяйство интенсивно работало на внешний рынок и помещичье хозяйство начинало поддаваться новым промышленно-капиталистическим формам, то, начиная с 20-х гг., картина резко меняется. Мировой хлебный рынок очень сильно снизил хлебные цены, и это обстоятельство, вплоть до 50-х гг. XIX в., держало русское помещичье хозяйство в плену крепостных отношений. Отсутствие денег в корне пресекало всякие размышления о замене крепостного труда вольным; таким образом, низкие хлебные цены были лучшим оплотом крепостного права, нежели всяческие «крепостнические вожделения» людей,

[1] М. Н. Покровский «Русская история в самом сжатом очерке», изд. 1922 г., стр. 98.

власть имеющих[2]. И дворянство во всей своей массе остается верным престолу, охраняющему устои крепостного права. Если иногда помещику приходится потесниться для промышленника, а иногда поделиться доходом с чиновником, то эти мелкие неприятности могли подвинуть только на две-три недовольные фразы, конечно, шопотом. Никакой оппозиции правительству, даже пассивной, дворянство не показывает, тем более, что находится от него и в прямой материальной зависимости. Когда в 1839 г. французский путешественник маркиз-де-Кюстин, наблюдая нравы российского дворянства, удивился всеобщему раболепию перед престолом, ему объяснили, что большая часть дворянских имений заложена в государственном банке и Николай является не только первым дворянином своего государства, но и первым кредитором своего дворянства. Это—не случайное объяснение, придуманное для любопытствующего иностранца, а официальная точка зрения. III Отделение всерьез полагало, что толчком, побудившим декабристов на террор против царской фамилии, было желание освободиться от своего кредитора. «Самые тщательные наблюдения за всеми либералами, — читаем мы в официальном докладе шефа жандармов,—за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших отвра-

---

[1] М. Н. Покровский «Русская история», т. IV, стр. 16.

тительные планы людей «14-го», были ложные утверждения, что занимавшее деньги дворянство является должником не государства, а царствующей фамилии. Дьявольское рассуждение, что, отделавшись от кредитора, отделываются от долгов, заполняло головы главных заговорщиков, и мысль эта их пережила...»

Если отступавшее крепостное хозяйство должно было держаться за свою главную опору—самодержавие, то развивавшаяся промышленность находила в том же правительстве довольно надежного агента. Внешняя политика, таможенные тарифы—все это было направлено на поддержание отечественной индустрии. Русская буржуазия, не бывшая особенно революционной в предшествующую эпоху, тем менее склонна была выступать против правительства в период своего бурного роста. Капиталисты, конечно, не возражали бы против некоторых буржуазных реформ, но вовсе не склонны были отстаивать их с оружием в руках и удовлетворялись теми компромиссами, которые предлагало им правительство.

Оставались угнетенные классы: крестьяне и рабочие. И на них III Отделение обратило пристальное внимание.

«Исследуя все стороны народной жизни, отделение обращало особенное внимание на те вопросы, которые имели преобладающее значение... Между этими вопросами в течение многих лет первенствующее место занимало положение кре-

постного населения. Третье отделение обстоятельно изучало его бытовые условия, внимательно следило за всеми ненормальными проявлениями крепостных отношений и пришло к убеждению в необходимости, даже неизбежности отмены крепостного состояния».

Читатель не должен удивляться этому странному на первый взгляд положению: в качестве защитников крестьянского освобождения выступают не вольнодумцы, не декабристы или петрашевцы, а николаевские жандармы, и врагов крепостничества не разжалуют в рядовые, не ссылают в Сибирь, а награждают чинами, орденами и властью. Не ошибка ли? Не приписали ли себе жандармы задним числом (цитированный выше юбилейный обзор относится к 1876 г.) участие в реформе, за одни помыслы о которой в начале николаевского царствования ссылали и гоняли сквозь строй?

Нет, все верно. Жандармы, действительно, пришли к выводу о необходимости реформы, но пришли своим, собственным путем. Характеризуя состояние крепостного крестьянства, III Отделение писало уже в самом начале своей деятельности:

«Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда. Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами и живя с согласия своих господ в городах, крепост-

ные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия». По словам шефа жандармов, крестьяне ждут не дождутся воли и готовы к новому бунту. В народных толках поминают имя одного из малоизвестных продолжателей Пугачева, атамана Метелкина, и готовятся к его «возвращению»: «Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их». Предполагать поэтому снижения волны крестьянских волнений не приходится, а «так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства».

И в дальнейших своих трудах III Отделение не забывало упомянуть, что в массу недовольных входит «все крепостное сословие, которое считает себя угнетенным и жаждет изменения своего положения». А в «нравственно политическом отчете» за 1839 год Отделение напоминало, что «весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению», что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством».

Картина становится ясной. К выводу о необходимости освобождения приводили интересы полицейской безопасности государства, сыгравшие немалую роль и в самой реформе 1861 года. Жандармы слишком часто сталкивались с крестьянскими восстаниями в роли усмирителей, чтобы не понять всей опасности новой пугачевщины. Но вместе с тем крестьянское движение то-

го времени — факт, отмеченный исследователя
ми—при всей частоте волнений, при все возраст
ющем числе убитых помещиков и сожженны
усадеб, оставалось распыленным, неорганизован
ным. Перейти в крестьянскую революцию оно та
и не смогло, ни в это время, ни позднее, когд
вся русская революционная демократия ожидал
массового крестьянского восстания. Этот преде
размаха движения ощущался и жандармами,
они никогда не предлагали немедленного раскре
пощения, а отмечали только «настоятельност
мер переходных, подготовительных». В практи
ческой же своей деятельности III Отделение зани
малось, главным образом, подавлением крестьян
ских восстаний,— в этом деле неизменную рол
играли жандармские команды. Правда, в исклю
чительных случаях помещичьей жестокости до
ставалось и помещикам. В отчете III Отделения
значительным преувеличением говорится: «О все
случаях неповиновения и буйства крестьян, убий
ства помещиков и управителей или посягательств
на убийство, а также жестокого обращения со сто
роны помещиков, немедленно было представляе
мо государю». На самом деле, не только большин
ство помещиков безнаказанно издевалось на
своими рабами, но и значительная доля волне
ний ликвидировалась местными средствами, н
доходя до сведения III Отделения. Равномерност
же преследования «буйных» крестьян и жестоки
помещиков заключалась в том, что восставши

мужиков пороли, ссылали в каторгу и отдавали в солдаты, а доведшего их до исступления барина лишали только права лично распоряжаться своим имением, отдавали в «опеку».

С немалым вниманием относилось Отделение и к впервые появляющемуся в это время на сцене русской истории рабочему вопросу. В этом отношении жандармы оказались достаточно чуткими и сумели просигнализировать опасность, когда она только еще зарождалась, тем более, что рабочие волнения, в общем аналогичные крестьянским бунтам, подчас приобретали своеобразный организационный характер... Так, по данным III Отделения, в 1837 году «на горных заводах Лазаревых в Пермской губернии некоторые мастеровые заводские... составили тайное общество, имевшее целью уничтожение помещичьей власти и водворение вольности между крепостными крестьянами». Вольнодумные мастеровые выпустили даже прокламацию довольно яркого содержания: «Во всех известных странах не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас, в России, напротив, издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями полное право иметь своих крепостных людей... с неограниченной властью, не только от самих господ, но и от равных крепостных людей». Далее рисуется тяжелое положение низших классов, изнывающих

под игом обязательного труда в пользу господ, доказывается неосновательность санкционирования этого порядка авторитетом священного писания, ибо бог, создавая людей, хотел, чтобы между ними было равенство, и наконец делается ссылка на пример «граждан образованных стран, которые единодушно восстали и сбросили с себя поносное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами... Иго рабства в России от времени становится несноснее, и должно полагать, что на будущее время оно будет еще несноснейшим. Из опытов видно, что причина величия государств есть свобода граждан, но в России иго рабства в большой силе: следственно она никогда не взойдет на степень величия. Почему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти, присвоивших ее несправедливо, и о ускорении свободы. Для сего-то, благородные сограждане, испровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и через то заслужим благодарность потомства».

Рабочее тайное общество являлось уже чем-то совершенно новым, и тем суровее, конечно, была жандармская расправа. Но, преследуя рабочих бунтовщиков и тщательно регистрируя все случаи рабочих волнений, жандармы не забывали и необходимости некоторой «социальной профи-

лактики». Не даром в 1835 году был издан первый фабричный закон. Обозревая свою деятельность за период 50 лет, III Отделение с особым удовлетворением отмечало проявленное им внимание к «нуждам рабочего класса».

«В 1841 г.,—читаем мы в юбилейном отчете,—была учреждена под председательством генерал-майора Корпуса жандармов графа Буксгевдена особая комиссия для исследования быта рабочих людей и ремесленников в С.-Петербурге. Представленные ею сведения были сообщены подлежащим министрам и вызвали некоторые административные меры, содействовавшие улучшению положения столичного рабочего населения. Между прочим, на основании предположений комиссии, по инициативе III Отделения, была устроена в С.-Петербурге постоянная больница для чернорабочих, послужившая образцом подобному же учреждению в Москве».

Но ни рабочее, ни крестьянское движение не могли занять сколько-нибудь видного места в работе жандармского аппарата. Первое еще только зачиналось, а второе, по самым своим формам, не могло оправдать существования III Отделения. Стихийно возникавшие крестьянские бунты не могли быть предотвращены никаким полицейским сыском, никакой тайной агентурой. В борьбе с массовым движением жандармы выступали либо в качестве усмирителей, либо с мудрыми предложениями мер предосторожности. Цен-

тральной же их задачей была борьба с крамолой «образованных классов», как тогда говорили. Но, как мы видели выше, ни дворянство, ни буржуазия в массе своей революционностью не блистали. Рассматривая настроения отдельных групп, жандармы отдавали себе отчет в этом обстоятельстве.

Уже в «обзоре общественного мнения» за 1827 год мы находим картину отношения к правительству различных социальных групп. Помимо непосредственного интереса, очерк этот любопытен еще и тем, что дает социальную иерархию жандармского общественного деления.

На первом месте обзор ставит «двор», т.-е. «круг лиц, из коих собственно и составляется придворное общество». Здесь жандармский надзор отмечает две группы: телом и душой преданных императору и партию «вдовствующей» императрицы. Впрочем, настроение придворных, по справедливому мнению III Отделения, несущественно: «мнение двора не представляет значения для правительства, так как оно (т.-е. мнение) не играет никакой роли в обществе».

На втором месте стоит «высшее общество», т.-е. столичная аристократия и бюрократическая верхушка. Здесь обзор устанавливает довольно грубое деление на две группы: «довольных» и «недовольных». Недовольные—это либо опальные вельможи прежнего царствования, либо же сто-

ронники аристократической конституции на английский манер, члены «английского клуба». Последние кажутся опаснее, но ни те, ни другие не представляют сколько-нибудь значительной угрозы в смысле перехода к какому-нибудь действию.

Далее идет «средний класс: помещики, живущие в столицах и других городах, неслужащие дворяне, купцы первой гильдии, образованные люди и литераторы. Этот многочисленный класс, разнородные элементы коего спаяны в одно целое, составляет, так сказать, душу империи». Здесь все обстоит благополучно: «улучшение настроения и общественного мнения этого класса прогрессирует с поразительной быстротой». Правда, все эти группы имеют свои мелкие жалобы. Помещики и купцы страдают от налоговой политики и денежных затруднений, литераторы недовольны бездеятельностью Министерства народного просвещения. Но основной факт непреложен: «средний класс» является надежнейшей опорой правительства.

Следующей социальной группой, выделяемой «обзором», является чиновничество. Последнее не внушает сколько-нибудь серьезных опасений, но «морально наиболее развращено» и требует попечения с этой стороны. «Хищения, подлоги, превратное толкование законов—вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущно-

сти, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы».

В своей борьбе с бюрократизмом III Отделение на словах шло довольно далеко. В «картине общественного мнения за 1829 год» дан разбор всех министерств и министров. В своей критике жандармы, «невзирая на лица», были довольно резки. Так, о министре финансов Канкрине сказано, что он «человек знающий, просвещенный, деятельный и трудолюбивый, но упрямый; он не слушает никого, кроме нескольких любимцев, которые его обманывают». Министр внутренних дел Закревский «деятелен и враг хищений, но он совершенный невежа». Министр народного просвещения — обскурант. Военный министр граф Чернышев «пользуется печальной репутацией: это предмет ненависти публики, всех классов без исключения». Морской министр прямо обвинен в воровстве и т. п. На ряду с характеристикой высших бюрократов, жестокой критике подвергается и вся государственная система.

Но, как мы отмечали выше, борьба III Отделения с чиновничеством была исторически обречена на неудачу. Несколькими «показательными» процессами и наказаниями нельзя было остановить все усиливавшийся бюрократизм аппарата. И, сознавая свое бессилие, III Отделение на практике очень мало боролось с чиновничеством, особенно средним и низшим, не приходившим в лич-

ные столкновения с центральной жандармской конторой.

Возвращаясь к «обзору общественного мнения», мы находим в нем еще три отдельные группы: армию, крепостное крестьянство и духовенство. В армии сравнительно все хорошо: нельзя, может быть, определенно утверждать, что армия в целом довольна, но надо сознаться, что она «вполне спокойна и прекрасно настроена». Неблагополучно обстоит с крестьянством, жаждущим освобождения, и массой духовенства. Последнее живет почти в одинаковых условиях с крестьянством и заражается его настроениями.

Вся эта картина рисует сравнительно спокойное состояние общества, да так оно и было на самом деле. И единственное черное пятно на безоблачном жандармском небе составляет интеллигентная дворянская молодежь. В ее характеристике автор обзора доходит до пафоса:

«Молодежь, т.-е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающиеся в разные формы и чаще всего прикрывающиеся маскою русского патриотизма. Тенденции, незаметно внедряемые в них старшими, иногда даже их собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастие происходит от дур-

ного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ».

Таким образом центром оперативной деятельности III Отделения стала слежка за молодежью, которая представлялась наиболее благоприятной почвой для возникновения «тайных обществ». Однако, «наблюдение вскоре убедило, что преступные замыслы (имеются в виду декабристы) не оставили в обществе почти никакого следа. Оренбургское дело и ничтожная попытка образования тайного общества в Москве[1] были единственными, можно сказать, исключительными случаями, обратившими на себя внимание Отделения в первые пять лет его существования». С тем большей энергией взялось III Отделение за дело с 1831 г., после польского восстания.

В приведенной выше характеристике «общественного мнения», помимо разреза социального, не был забыт и разрез национальный. Правда,

---

[1] Имеются в виду дела Колесникова и братьев Критских.

вовсе не все народности, населявшие империю, были признаны достойными жандармского изучения. В обзоре упомянуты только прибалтийские провинции, Финляндия и Польша. Хуже всего обстояло с последней, но как-раз в Польше III Отделение не имело силы. Там действовала, хотя в значительной степени лишь на бумаге, своя конституция, а наместник, великий князь Константин, относился к жандармам довольно скептически, в польские губернии их не допускал и управлял по собственному разумению. Восстание 1830—1831 гг. сразу изменило обстановку. Уже в самом его начале Бенкендорф почувствовал, какую обильную пищу для работы своего учреждения он получает. «У нас эта война будет войной национальной,—писал он в. кн. Константину 29 декабря 1830 г.,—тем не менее она большое для нас несчастие. Она послужит поощрением для негодяев всяких национальностей и бросит на весы, и без того уже наклоняющиеся в другую сторону, большую тяжесть в пользу мятежа против законной власти».

После подавления восстания польская конституция была уничтожена, и III Отделение распространилось на Польшу. Здесь оно развило энергичную деятельность, перешедшую через границу и приведшую к созданию заграничной агентуры. Списки дел III Отделения пестрят именами поляков, отправляемых на каторгу, в ссылку, бегущих оттуда и вновь попадающих в силки и т. п.

Каково было отношение жандармов к польским делам, хорошо иллюстрирует рассказ жандарма Ломачевского, относящийся к его деятельности в виленской следственной комиссии 1841 г. Когда председатель комиссии, изумившись рвению одного из ее членов, полковник Н., спросил его:

— Скажите, полковник, что по вашему мнению лучше для государя: не раскрыть вполне преступления или, напутав небылиц, обвинить невинного?

Тот отвечал ничтоже сумняшеся:

— Лучше обвинить невинного, потому что они здесь все виноваты, ракальи.

«Между тем как польские провинции вызывали усиленную деятельность III Отделения в политическом отношении, внутренние, чисто русские области империи оставались попрежнему спокойными и не возбуждали ни малейших опасений». Действительно, за весь период от декабристов до петрашевцев жандармам не довелось раскрыть ни одного сколько-нибудь крупного революционного дела. Оренбургское дело Колесниковых, дело братьев Критских, дело Ситникова, кружки, связанные с именами Сунгурова, Герцена и Огарева, Кирилло-Мефодиевское общество — и все. Ни одна из этих организаций не успела начать революционные действия, а некоторые вовсе не собирались к таковым приступать. Кроме того, не все эти общества были раскрыты непосредственно III Отделением.

С одной стороны, это положение было для жандармов чрезвычайно отрадным. Спокойствие общества позволяло работать без излишней спешки и волнений и приобретать чины и ордена без особого риска и невзгод. Но, с другой стороны, нужно было проявлять деятельность, а наиболее важного поприща — политического движения—как-раз и не хватало. Поэтому то немногое, что находилось, раздувалось до-нельзя. Жестокие наказания постигали невинных студентов, за чаркой вина спевших оппозиционную или просто непристойную песню. Все, что чуть-чуть выходило за рамки дозволенного, превращалось в страшное преступление, но не только потому, что «у страха глаза велики», но и потому, что других преступлений вовсе не было, а обходиться без «государственных преступников» III Отделению было неприлично. Правда, изрядную работу доставляли разбросанные по различным тюрьмам декабристы и, позднее, поляки. На каждого было заведено особое дело, каждый рассматривался как бациллоноситель. Но вся эта слежка, хотя и требовала времени и усилий, уже не могла принести сколько-нибудь значительные результаты. И жандармы хватаются за каждое сообщение, каждый слух о тайном обществе или заговоре; а ловкие авантюристы-провокаторы используют и жандармское рвение, и страх императора перед революцией. Николай не оставлял без внимания ни одного политического доноса, особенно свя-

занного с декабристами или поляками, как бы ни был нелеп такой донос.

Так, в 1835 г. некий Луковский, приехавший из Англии, сообщил, что в Англии существует два тайных общества: одно русское, образовавшееся после 14 декабря, а другое польское, возникшее после восстания 1831 г. Он, Луковский, состоит членом этих обществ. Оба они действуют в контакте и предполагают начать в России широкую пропаганду. Для этого печатается соответствующая литература, полная ненависти к России и русскому престолу, и литературу эту будут переправлять в Россию по маршруту Индия - Персия - Грузия - Астрахань. При всем том Луковский ни одной фамилии не называл и, как полагалось во всех таких случаях, просил дать ему денег для раскрытия злого умысла.

Нелепость доноса была очевидна: после 14 декабря неоткуда было взяться в Англии тайному обществу, а невозможный в ту пору и придуманный лишь для вящего эффекта маршрут сразу обнаруживал мнимость предприятия. Николай, как он ни боялся призрака революции, догадался, что его обманывают, и на докладе по доносу Луковского положил резолюцию: «Все это очень неясно, нет ни одного положительного указания; во всем этом правда только ненависть к нам англичан». Однако тут же смутился — не проворонит ли он таким манером заговора — и приписал: «Впрочем, в наш век нельзя ничего оставлять без внимания».

Пользуясь мнительностью императора, III Отделение давало ход таким делам и провокациям, фальшивость которых наиболее умные жандармы, как Фок или Дубельт, должны были понимать. Недаром про Дубельта говорили, что он «выдумывает заговоры, чтобы пугать постоянно правительство и этим доказывать свою необходимость». Если Дубельт сам заговоров и не выдумывал, то он не препятствовал другим измышлять их. Дела III Отделения полны доносов о «государственных тайнах» и «злоумышлениях против императора», которые после расследования оканчивались впустую. Эти доносы, наконец, утомили самих жандармов, и они стали наказывать неудачливых доносчиков. Тем не менее провокаторы не унимались, и в нашем очерке николаевской жандармерии мы должны найти место и для них. Для примера приведем истории двух провокаторов: Медокса и Шервуда. Это фигуры очень характерные для своего времени, крупные по размаху и к тому же сравнительно хорошо освещенные в нашей литературе.

Роман Медокс, сын содержателя театра, начал свои подвиги еще в александровскую эпоху. В 1812 г., имея от роду всего 17 лет, он воспылал не умеренной любовью к отечеству и, прельстясь мыслью явиться «подражателем Пожарскому, Палицыну и Минину», решил на собственный риск и страх и, конечно, на казенный счет составить самостоятельное ополчение горских народов Кавказа.

Для этого подвига он сфабриковал себе документы на имя адъютанта министра полиции, поручика конной гвардии, флигель-адъютанта Соковнина, выдал себе неограниченные полномочия от военного министра, а также соответствующие предписания министра финансов на предмет финансирования его предприятий, и, вооружившись всем этим, явился в начале 1813 года на Кавказ, где развил сразу же самую энергичную деятельность. Получив по предъявленному им подложному предписанию 10.000 рублей, он принялся за объезд кавказской военной линии, обозревал укрепления, устраивал смотры, словом «ревизовал»; узнав же, что местные власти в служебном рвении поспешили донести своим начальникам об успешном выполнении полученных через него распоряжений, он не только не смутился, но даже послал министру полиции самостоятельный рапорт о своих действиях с присовокуплением приватного письма, в котором он настойчиво просил подтвердить все его поступки и полномочия.

Вязьмитинов не обладал, повидимому, ни чувством юмора, ни уменьем оценить птицу по полету. Он не внял настояниям Медокса, и последний поплатился за свои проделки тринадцатилетним знакомством сначала с Петропавловской, а потом с Шлиссельбургской крепостью. Впрочем, выпущенный на свободу, Медокс очень скоро заручился доверием III Отделения и, присоединив к своим старым

приемам еще и провокацию, показал большой размах и инициативу.

В 1829 году Медокс, в чине рядового, очутился в Иркутске, где тогда служил городничим А. Н. Муравьев, осужденный по делу декабристов и затем помилованный, но оставшийся под сильным подозрением и окруженный шпионами. К последним присоединился и Медокс, втершийся в дом к Муравьеву, прикинувшись влюбленным в сестру его жены.

Наблюдая за Муравьевым и его домашними, Медокс заметил, что они поддерживают нелегальные сношения с Петровским заводом, где находились осужденные декабристы. Донеся об этом в III Отделение, Медокс решил продолжить деятельность такого рода и в 1832 г. соорудил провокацию большого масштаба.

По его словам, среди нелегальной переписки декабристов, шедшей через дом Муравьева, ему удалось случайно найти шифрованные письма. Разобрав шифр, он, узнал, что в обеих столицах существует обширное тайное общество «Союз великого дела», поставившее своей задачей продолжить дело декабристов и находящееся в постоянных сношениях с Петровским заводом. Для большей важности. Медокс, следуя своему старому рецепту, сфабриковал по выдуманному им шифру письмо от имени декабриста Юшневского. В письме этом Юшневский рассуждал о делах нового общества.

и важность находки, таким образом, становилась несомненной.

Запуганное призраком революции правительство попало на удочку и, после различных прений и совещаний, отправило к Медоксу специального посланца, ротмистра Вохина. Тот устроил Медоксу поездку в Петровский завод, где, пользуясь знакомством с женой Юшневского, Медокс должен был вступить в сношения с заговорщиками. Медокс перезнакомился с петровскими декабристами, а по возвращении представил Вохину подробный дневник своего путешествия, конечно, подтверждавший существование заговора. В качестве же вещественного доказательства он сфабриковал специальный «купон», который должен был ему, как члену «Союза великого дела», открыть доступ к столичным кругам тайного общества.

Затем Медокс отправился в Петербург, где дал личные показания Бенкендорфу, а оттуда в Москву, где он должен был явиться со своим «купоном» к матери декабристов Е. Ф. Муравьевой. III Отделение начало уже расследование по его доносам, а он тем временем жуировал в Москве и на напоминания приставленного к нему жандармского генерала отвечал сначала различными неопределенными обещаниями, а потом самыми бессмысленными доносами на совершенно лойяльных людей. Однако и эти доносы принимались во внимание. Между тем Медокс успел выгодно жениться и, захватив женино приданое, внезапно исчез из Москвы, где упо-

мянутый генерал начал докучать ему своими требованиями разоблачений и явно уже подозревал его в обмане.

Похлестаковствовав некоторое время в провинции и истратив все деньги, Медокс вернулся в Москву, где и был выдан семьею жены. Тут уже не помогли никакие новые доносы и «разоблачения». Ему пришлось сознаться в подлогах и вторично надолго осесть в Шлиссельбургской крепости.

В том же духе, хотя и с иными деталями, история Шервуда. Отличившись в деле декабристов, где он, ничтожный унтер-офицер, сумел организовать самостоятельную провокаторскую интригу, Шервуд с самого начала царствования Николая I был осыпан почестями и милостями. Он был произведен в офицеры, пожалован дворянством, получил приставку к фамилии — «Верный» и, наконец, привлечен к трудам III Отделения. В 1827 году он получил ответственную командировку на юг с тайной миссией обследования умов и толков южных губерний. Чувствуя себя героем дня, Шервуд держал себя на юге так вызывающе и настолько превысил свои «ревизорские» полномочия, что должен был прекратить командировку и отправиться «к водам» на Кавказ. Тем не менее осенью 1829 года он оказался в Киеве, и здесь его деятельность приняла явно провокационный характер. Он завел собственную полицию, распространив ее на ряд соседних губерний, разослав каких-то подозрительных агентов и готовил новое «тайное общество». Зная

слабую струну правительства, он хотел создать это общество из остатков декабристов и масонских организаций. Для этого он окутывал шпионской сетью и родственников декабристов, живших в тех краях, и таких вельможных дам, как сестру князя Голицына или графиню Браницкую. Держал он себя с подобающей важной особе таинственностью и только намеками давал понять о серьезности порученных ему дел. Все бы могло сойти хорошо, если бы жандармский подполковник Рутковский не почувствовал, что интриги Шервуда могут отозваться на его собственной карьере, и не настрочил в Петербург доноса, в котором он приводил и некоторые неосторожные фразы Шервуда по адресу шефа жандармов. Бенкендорф лишил Шервуда своего покровительства, и на этом его жандармская служба остановилась.

Тогда Шервуд стал на путь уголовных афер, но и в этом деле наткнулся на сопротивление III Отделения. Все его доносы, все попытки провокаций оставались безрезультатны. Наконец, он даже был выслан из столицы. И тогда он поставил последнюю ставку. Он отправил великому князю Михаилу Павловичу обширный донос на недостатки государственного аппарата и на продолжающуюся деятельность декабристов и польских революционеров.

«Кто же,— взывает охваченный гражданской скорбью Шервуд, — допустил все это зло, все эти беспорядки, все эти адские замыслы, все это лихоимство? Ведь в начале царствования был учрежден

Корпус жандармов, который должен был сосредоточить все моральные силы империи, лучших людей государства, соединявших высокие нравственные качества с беспредельной преданностью царю и отечеству. В том-то и оказывается корень зла, что в III Отделение проникли ненадежные люди, а главенство в нем захватил обольстивший Бенкендорфа Дубельт; этот человек, всегда бывший против правительства, едва ли не во всех обществах, из III Отделения сделал место, которому дали название факторская контора. Надо томы написать, чтобы исчислить все мелочные дела, разобранные III Отделением, и смело можно сказать: много высочайших повелений вышло без воли государя. Весь Петербург можно спросить, ибо все знали, что если нужно было, по какому бы то ни было делу, исходатайствовать высочайшее повеление, то стоило только адресоваться к полковнице Газенкампф, которая, будучи довольно снисходительна в цене, всегда была верна в своем слове; генерал-майор Дубельт проживал всегда в год более 100 т. рублей, сверх того прикупал имение». И покуда такие люди, как Дубельт, сидят у самых истоков власти, а без лести преданные Шервуды находятся в изгнании, до тех пор не воцарится на Руси порядка, и она все более и более будет погружаться в бездну гибели.

Старый провокатор вступил в бой с самим III Отделением, но бой оказался неравный. Любопытна судьба доноса. Великий князь Михаил пере-

слал его... Дубельту. И тот, запрятав Шервуда в Шлиссельбург, вместе с тем произвел расследования о названных в доносе лицах и представил Николаю обширное оправдание как в своих собственных делах, так и в отношении работы III Отделения. Отрывок из этого оправдания мы приводим как образчик того, в какой мере были искренни жандармы в своей борьбе с бюрократическим аппаратом.

«Столь преувеличенное описание злоупотреблений само собой обнаруживает неосновательность доноса. Зло существует в частности, но везде преследуется при обнаружении оного. Покровительства или даже послабления злу решительно нет и быть не может. Если министры и другие власти не искореняют вовсе беспорядков и не доводят вверенных им частей до полного совершенства, то или потому, что для сего не созрели обстоятельства, или потому, что иные злоупотребления, по общему порядку вещей, всегда будут существовать и существуют у всех народов. При благоразумном взгляде и при справедливой уверенности в суждении, можно сказать, что в России по судебной и административной частям нет общих вопиющих притеснений и злоупотреблений; благонамеренные люди более довольны настоящим положением вещей и спокойно ожидают улучшений в будущем времени; а всем недовольны одни те, которые, по своему беспокойному характеру или неблагоразумию, будут недовольны при всяком положении дел».

Мы познакомили читателя с похождениями Медокса и Шервуда, чтобы показать, как легко было в николаевское время устраивать провокации, подводить людей под суд и следствие, получать деньги, ревизовать, имея, вместо положительных данных, только достаточную долю фантазии. Причины этих явлений обрисованы выше: общественное движение первых десятилетий николаевского царствования было чрезвычайно слабо.

Единственным местом его проявления была литература, и с нею жандармы на первых порах бороться умели. Но когда в пятидесятых годах поднялась новая революционная волна, волна демократической революции, — жандармы оказались бессильны против нее, и прошло много времени, прежде чем они научились распознавать ее отличительные особенности.

Жандармы и литература

Вступая в управление Российской империей, жандармы твердо рассчитывали на «превосходное настроение» русских литераторов. Тем не менее, на этом пути уже скоро начинаются разочарования. Писатели оказываются склонными к либерализму, а литература, даже в руках благонамереннейших журналистов, состоящих на службе в самом III Отделении, может развращать умы и способствовать развитию революционных идей. И с самого своего возникновения жандармское ведомство не пере-

стает следить за литературой в самых разнообразных ее проявлениях.

Еще в период следствия над декабристами правительство попыталось установить своих возможных идейных врагов. Каждому члену тайного общества неизменно предъявлялся вопрос: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, то-есть от общества ли, или от внушений других, или от чтения книг или сочинений в рукописях, и каких именно?» Обычно декабристы в ответ на этот вопрос ссылались на иностранных философов, экономистов и публицистов, на личное знакомство с западными конституциями и т. п. Припоминая же подпольную революционную литературу, называли стихи Пушкина, ходившие по рукам и воспламенявшие молодых романтиков вольности.

Отсюда сделан был вывод: нужно усилить цензуру иностранных книг, запретить поездки за границу и печатание в русской прессе сведений об общественной борьбе на Западе, а также покрепче присматривать за А. С. Пушкиным.

«У членов следственной над декабристами комиссии,— пишет исследователь «полицейской» стороны биографии Пушкина,—уже под влиянием одних этих ответов должно было сложиться определенное впечатление о Пушкине, как об опасном и вредном для общества вольнодумце, рассевавшем яд свободомыслия в обольстительной поэтической форме. С такою же определенной репута-

цией человека политически неблагонадежного и зловредного должен был войти поэт и в сознание одного из деятельнейших членов упомянутой комиссии — известного генерал-адъютанта Бенкендорфа; такое же представление сложилось о нем и у самого императора Николая 1, — как известно, ближайшим и внимательнейшим образом наблюдавшего за ходом следствия и показаниями привлеченных к нему и входившего во все подробности дела. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда вскоре за тем, 25 июня и 8 июля 1826 г., были учреждены Корпус жандармов и III Отделение собственной его величества канцелярии, заменившее особую (полицейскую) канцелярию Министерства внутренних дел,— то Пушкин естественным образом и как бы по наследству сразу вошел в круг клиентов новых учреждений «высшей полиции». Внесенный, конечно, и ранее в списки лиц, бывших под надзором особой канцелярии и ее агентов, как человек, заслуживающий нарочитого внимания, Пушкин сразу сделался предметом особенных попечений».

За Пушкиным следили все — от мелких тайных агентов, в роде поэта С. И. Висковатова, сообщавшего, что Пушкин, живя в Псковской губернии, «проповедует безбожие и неповиновение властям», до самого «коронованного жандарма» Николая I, милостиво взявшего на себя труд быть «цензором» поэта. С 1826 г. все литературные и жизненные нужды поэта разрешались в канцелярии III Отделе-

ния. Туда представлял он свои стихи, смиренно повинуясь требованиям исправлять их согласно политической и эстетической указке Николая и Бенкендорфа; в III Отделении испрашивал он разрешения на путешествия, на женитьбу... Все последние годы своей жизни должен был он отбиваться от доносов различных литературных шпионов, стремившихся уличить его в революционных происках. Недаром любивший «шипенье пенистых бокалов» поэт сравнивал жженку с Бенкендорфом, «потому что она, подобно ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок, влияние на желудок».

Непосредственный надзор за Пушкиным был, однако, явлением исключительным, как исключительно было и значение самого поэта. В основном III Отделение занималось не столько писателями, сколько литературой, и в этом направлении развило большую деятельность.

В предыдущей главе мы указали причины слабости общественного движения в николаевскую эпоху. Эти же причины отразились и на характере литературной жизни. Журналы, впоследствии игравшие такую видную роль в деле идейного вооружения революционной интеллигенции, в 20-х—30-х гг. представляют картину полной общественной пассивности. Ставка на провинциального помещика, на городского обывателя, полемика с целью отбить подписчиков, материал для легкого чтения, беззастенчивая погоня за коммерческой выгодой, безудержная самореклама — вот черты,

характерные для журналистики 30-х годов. На этом фоне идейные моменты стушевывались, даже если они, как то было в «Московском Телеграфе» Полевого, и присутствовали. Никакой общественной борьбы, никакого сознательного протеста в печатной литературе того времени мы не найдем. Перед нами либо беспринципность, либо открытое угодничество перед властью, славословие царя и пресловутых основ русской государственности — «самодержавия, православия и народности».

Но вместе с тем литература могла явиться и, как мы знаем, в 40-х и 50-х гг. и явилась поприщем, на котором концентрировались силы новой социальной группы — мелкобуржуазной демократической интеллигенции. И жандармы, лучше многих современников отдававшие себе отчет в направлении общественного развития, прекрасно учитывали потенциальную силу литературы. Надлежало эту силу обуздать; для этого применены были в основном два метода: цензура и литературный шпионаж.

В предшествующее время цензура существовала на основании сравнительно либерального устава, благодаря чему в печать проникали относительно вольнодумные произведения. В первый же визит министра народного просвещения А. С. Шишкова к новому государю, Николай распорядился составить новый цензурный устав. Окончательно цензурный устав был утвержден в

1828 г. Цензура, формально оставаясь в ведении Министерства просвещения, фактически была поставлена под контроль III Отделения. Цензоры не только должны были преследовать все, почему либо показавшееся им подозрительным, но становились прямыми агентами жандармерии. В особых наказах цензорам было установлено, что «когда бы представлены были кем-либо на рассмотрение цензуры книга или художественное произведение, клонящиеся к распространению безбожия или обнаруживающие в сочинителе или художнике нарушителя обязанностей верноподданного, то о сем немедленно извещать высшее начальство для учреждения за виновным надзора или же и предания его суду по законам». Высшее начальство — это, разумеется, III Отделение.

Отдельными распоряжениями из ведения обычной цензуры изымались то те, то другие литературные отрасли, передававшиеся в исключительное подчинение III Отделения. Между Министерством народного просвещения и шефом жандармов завязалась даже некоторая борьба, с неравными, впрочем, силами. III Отделение с удовольствием регистрировало все промахи и ошибки цензуры и доводило о них до высочайшего сведения. Отсюда уже летели выговоры министру, аресты и отставки цензорам и т. д. Помимо соображений общеполитических, принимались во внимание и личные обиды высокопоставленных особ. Цензура должна была следить за всеми злобо-

дневными намеками, чтобы в них не содержалось какой-нибудь «личности». Запуганные и погоняемые жандармским кнутом цензоры закусили удила; стали придумываться самые диковинные и неожиданные возражения против представлявшихся книг и статей. В самых невинных произведениях искали скрытого противоправительственного смысла.

Образцом бессмысленной придирчивости может служить сентенция Николая I о статье известного впоследствии славянофила И. В. Киреевского «Девятнадцатый век». 7 февраля 1832 г. Бенкендорф сообщил по этому поводу министру народного просвещения князю Ливену: «Государь император, прочитав в № 1 издаваемого в Москве Иваном Киреевским журнала под названием «Европеец» статью «Девятнадцатый век», изволил обратить на оную особое свое внимание. Его величество изволил найти, что все статьи сий есть не что иное, как рассуждение о высшей политике, хотя в начале оной сочинитель и утверждает, что он говорит не о политике, а о литературе. Но стоит обратить только некоторое внимание, чтобы видеть, что сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, разумеет совсем иное; что под словом «просвещение» он понимает свободу, что «деятельность разума» означает у него революцию, а «искусно отысканная середина» не что иное, как конституция. Посему его величество изволит находить, что статья сия не долженствовала быть

дозволена в журнале литературном, в каковом воспрещено помещать что-либо о политике, и как, сверх того, оная статья, невзирая на ее наивность, писана в духе самом неблагонамеренном, то и не следовало цензуре оной пропускать».

Журнал «Европеец» был закрыт. Через шесть дней было отдано общее распоряжение, чтобы при разрешении новых журналов представлялись «обстоятельные сведения о способностях издателя и нравственной его благонадежности», т.-е., иначе говоря, жандармские справки; сам же Киреевский был отдан под полицейский надзор.

Не нужно было быть Николаем, чтобы прочесть в «деятельности разума» революцию, а в «искусно отысканной середине» конституцию. В подобном чтении упражнялись, с таким же успехом, рядовые цензоры. В исторической литературе собраны десятки курьезов, свидетельствующих о поразительном тупоумии и невежестве николаевских цензоров-жандармов и просто цензоров. Мы не будем утомлять читателя пересказом всех этих курьезов и приведем только один, ставший классическим.

Рядовой стихотворец 30-х гг. Олин написал лирические «Стансы к Элизе», попавшие на просмотр к цензору Красовскому, который не только запретил стихотворение, но обосновал еще это запрещение критическим рассуждением. Автор, стремясь к своей возлюбленной, мечтает о том, чтобы быть при ней постоянно и «улыбку уст ее

бесную ловить». По этому поводу цензор сделал римечание: «Слишком сильно сказано! Женщина достойна того, чтобы улыбку ее называть несною». Лирические строки:

«Что в мненьи мне людей? Один твой нежный взгляд
Дороже для меня вниманья всей вселенной»

тмечены следующим соображением: «Сильно сказано; к тому же во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно»; а желание автора уединиться с милой в пустыню было расценено цензором, как отлынивание от государственной службы. «Сверх сего, — писал Красовский, — к блаженству можно приучаться только близ Евангелия, а не женщины».

Правда, Красовский выделялся даже в рядах николаевской цензуры: «человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь гасивший просвещение». — так характеризует Красовского другой, более либеральный цензор, Никитенко, автор известного «Дневника». Но Красовский был только наиболее ярким выражением системы. Как еще мог вести себя цензор, когда, по сообщению того же Никитенко, цензоры получали выговоры за то, что в журнальной статье «святая» была названа «представительницей слабого пола».

Если в таком положении была беллетристика, то легко себе представить, в каком виде доходили до русского читателя статьи публицистического порядка и политическая хроника. Газет, кроме

официальных и официозных, не было. В журналах политические статьи пропускались лишь при условии абсолютной благонамеренности. Когда в 1830 году произошла июльская революция во Франции, о ней напечатаны были две заметки, изобразившие революцию, как добровольный отъезд короля; а когда в 1837 году в «С.-Петербургских Ведомостях» была напечатана статья о покушении на жизнь французского короля Луи-Филиппа, Бенкендорф немедленно уведомил министра народного просвещения, что считает «неприличным помещение подобных известий в ведомостях, особенно правительством издаваемых, которые расходятся в столь большом количестве между средним классом людей». Цензура избегала вообще всяких печатных упоминаний о царях, запрещала выражения в роде «король скончался», не позволяла упоминать о революциях, республиках и т. п. По словам Никитенко, он однажды не выдержал и предложил, во время обсуждения в цензурном комитете статьи о 18-м брюмера следующий вопрос: «Должны ли мы французскую революцию считать революцией, и позволено ли в России печатать, что Рим был республикой, а во Франции и Англии конституционное правление,— или не лучше ли принять за правило думать и писать, что ничего подобного на свете не было и нет?»

Остальные цензоры с ученым видом согласились, что «историю и статистику нельзя изме-

нять», и статью пропустили, исключив только выражение «добрые французы» на том основании, что «во Франции тогда не могло быть ни одного доброго человека».

При всем том охранители считали, что цензура еще недостаточно деятельна. Собственно защитников свободы печати мы среди деятелей 30-х гг. не найдем. Даже Пушкин, так жестоко страдавший от цензуры и не менее жестоко ее высмеивавший, писал в своем втором послании к цензору:

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб, все законные преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.

Тот самый Никитенко, который возмущался тупоумием цензуры, искренно считал, что нельзя печатать на русском языке записки Флетчера о Москве XVI века, потому что читатель сможет провести аналогию между управлением Ивана Грозного и Николая I. Нечего и говорить, что консерваторы-крепостники не только не протестовали против цензуры, но обвиняли ее в попустительстве. Видный представитель николаевской бюрократии, сенатор Н. Г. Дивов, подводя в своем дневнике итог истекшему 1832 г., записал: «Министерство народного просвещения не обладало достаточной энергией, чтобы обуздать периодические издания, которые начали печатать извлечения из статей, содержания самого антимонархического и противного самодержавию. Тайная полиция с ее явными и тайными цензорами, с своей стороны,

действовала в сем важном случае весьма вяло. Сам граф Бенкендорф как-будто находился под обаянием этих писак; можно опасаться последствий этой небрежности».

Таким образом, ни «высшее общество», ни «средний класс», ни сами писатели по существу не протестовали против полицейской организации цензуры. Наоборот, некоторые литераторы даже предпочитали переходить под непосредственный контроль III Отделения, рассчитывая на большую независимость и меньшую осведомленность жандармов по сравнению с обычными цензорами. И, как правильно замечает М. К. Лемке, «самое нахождение массы писателей николаевского времени в рядах цензоров (Сенковский, Аксаков, Вяземский, Глинка, Тютчев, Никитенко, Очкин и др.) служит разительным доказательством» отсутствия разногласий между литературной средой и жандармским начальством.

Эту в общем охранительную позицию литературы жандармы отлично понимали. Поэтому при сравнительно большом числе запрещений отдельных произведений мы находим в практике III Отделения не так много преследований самих литераторов. Жандармы полагались на добросовестность писателей и знали, что если сегодня Кукольнику сделать выговор за рассказ, в котором он «выказывает добродетель податного состояния и пороки высшего класса», то завтра тот же Кукольник постарается и состряпает что-нибудь

настолько патриотическое, что удостоится высочайшего поощрения и бриллиантового перстня. Поэтому выговоры делались всем, вплоть до Булгарина, а к наказаниям прибегали только в исключительных случаях. Эта уверенность жандармов в «общем благополучии» впоследствии помогла вышедшей в 40-х гг. фаланге демократической литературы пережить николаевское время. Усматривая в статьях Белинского призывы к «социализму и коммунизму», III Отделение не считало, однако, возможным обвинить его в сочувствии этим идеям. «Нет сомнения, что Белинский и Краевский и их последователи пишут таким образом единственно для того, чтобы придать больший интерес статьям своим, и нисколько не имеют в виду ни политики, ни коммунизма; но в молодом поколении они могут поселить мысли о политических вопросах Запада и коммунизме».

Без учета этой точки зрения III Отделения на литераторов и литературу нельзя понять и особенностей организации литературного шпионажа. III Отделение очень охотно принимало в число своих агентов писателей. При этом имелось в виду, что сотрудники такого типа стоят значительно выше обычных шпионов и по квалификации, и по общественному положению. Агенты эти выполняли не только литературные функции, но должны были и сигнализировать общественные настроения различных кругов. Что же касается литературы, то в этом отношении литераторы помогали и как

осведомители, и как добровольные цензоры. Во главе литературной агентуры стояли известные журналисты Греч и Булгарин. Они были наиболее осведомленными и вместе с тем самыми усердными сотрудниками, буквально заваливавшими III Отделение доносами, рассуждениями, предложениями и т. п. Знакомясь с этого рода деятельностью, «братьев-разбойников», как называли Греча и Булгарина в литературной среде, мы, однако, с удивлением замечаем, как мало внимания уделяли жандармы их писаниям. Если бы все их доносы, тайные и явные, посланные в жандармерию и напечатанные на страницах их изданий, принимались во внимание, то в России не осталось бы, пожалуй, ни одного сколько-нибудь видного писателя. Очевидно, жандармы понимали, что Булгарин и Греч руководятся не только верноподданническими чувствами, но под шумок сводят счеты со своими конкурентами и литературными противниками... Знало III Отделение также, что шпионская деятельность друзей-журналистов общеизвестна и что никто не станет доверять им политических тайн. Но пользовались услугами, так как люди они были старательные и осведомленные и в борьбе жандармов с возможным литературным злом могли пригодиться. Иногда же выговоры получали и они сами; это было даже целесообразно с точки зрения общественной популярности. Так, Герцен 5 апреля 1843 г. с удовольствием занес в свой дневник: «Греч подавал донос на «Отечест-

венные записки», и III Отдел. собств. канцелярии, отвергнув его с презрением, написало ему полный ответ. Литератор, уничтоженный, замятый в грязь Дубельтом!»

Литераторы в жандармской службе нужны были также и в целях воздействия на общественное мнение. III Отделение очень часто заказывало патриотические статьи и книги, диктовало освещение политических событий в периодической печати. Когда в 1846 г., по недосмотру Булгарина, в «Северной Пчеле» была помещена баллада графини Ростопчиной «Насильный брак», изображавшая отношения между Россией и Польшей, Нестор Кукольник, по заказу III Отделения, изготовил стихотворный же ответ. В этом смысле III Отделение действовало довольно тонко, и читатели только могли изумляться, почему либеральные «Отечественные Записки» вдруг разражаются ура-патриотической статьей: на самом деле такие статьи писались «по рекомендации» III Отделения.

Немалый интерес проявляли жандармы и к европейской печати. Об оценке русских событий на Западе начали думать сразу после декабрьского восстания. В соответствующем духе информировались западные газеты, а сразу после казни декабристов была изготовлена брошюра на немецком языке, излагавшая историю восстания с официальной точки зрения. С начала 30-х гг. в Германию, Австрию и Францию направляются специальные чиновники «с целью опровергать по-

средством дельных и умных статей грубые нелепости, печатаемые за границею о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, обладавшему журналистикой». На этой почве отчасти и зародилась заграничная агентура, о которой мы говорили выше. Первый заграничный шпион III Отделения, Яков Толстой, и начал свою службу литературной защитой русского престола. Впоследствии этот способ обработки западного общественного мнения, вместе с подкупом иностранных изданий, вырос в целую систему.

Как мы сказали, политических гонений против литераторов непосредственно III Отделение воздвигало немного. Обычно ограничивались запрещением неудачливому автору писать, да и эти запрещения было сравнительно нетрудно ликвидировать. Просматривая хронику взаимоотношений николаевских жандармов и литературы, мы находим только три громких политических дела. Из них самым значительным нужно признать эпизод с напечатанием Надеждиным в 15-й книжке «Телескоп» за 1836 г. знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Надеждин, редактор издания, не заметил социальной направленности «письма», автор которого, жестоко обличая русское прошлое, тем самым делал выводы и для настоящего. По мнению Чаадаева, Россия не имеет истории, потому что ее не коснулась цивилизация. В России нет ни долга, ни закона, ни прав-

ды, ни порядка. «Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества; ничем не содействовали совершенствованию человеческого разума и исказили все, что сообщило нам это совершенствование. Во все продолжение нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве».

Чаадаев, конечно, далеко не дооценивал пройденного Россией исторического пути. Но дело не в этом. Нельзя было резче разойтись с официальной точкой зрения, считавшей, что «прошлое России изумительно, настоящее более чем превосходно, а будущее не поддается описанию». Письмо Чаадаева, по словам Герцена, было «выстрелом, раздавшимся в темную ночь», и, конечно, разбудило ночных стражей. Поднялась, как выражается Никитенко, «ужасная суматоха». «Телескоп» был запрещен, цензор Болдырев отставлен от службы, а редактор Надеждин сослан в Усть-Сысольск. Что касается Чаадаева, то к нему была применена резолюция Николая: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного...» Жандармы не могли примириться с тем, чтобы российский дворянин и отставной гвардии ротмистр мог в здравом уме и твердой памяти признать все прошлое и настоящее России никуда

негодным. Решено было... считать Чаадаева сумасшедшим! В этом смысле и было составлено отношение Бенкендорфа к московскому военному генерал-губернатору князю Голицину. Отношение это мы приводим целиком, как непревзойденный образчик жандармского лицемерия:

«В последневышедшем № 15 журнала «Телескоп» помещена статья под названием «Философические письма», коей сочинитель есть живущий в Москве г. Чеодаев. Статья сия, конечно, уже вашему сиятельству известная, возбудила в жителях московских всеобщее удивление. В ней говорится о России, о народе русском, его понятиях, вере и истории с таким презрением, что непонятно даже, каким образом русский мог унизить себя до такой степени, чтоб нечто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающиеся чистым, здравым смыслом, и будучи преисполнены чувством достоинства русского народа, тотчас постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественником их, сохранившим полный свой рассудок, и потому,—как дошли сюда слухи,—не только не обратили своего негодования против г. Чеодаева, но, напротив, изъявляют искреннее сожаление свое о постигшем его расстройстве ума, которое одно могло быть причиною написания подобных нелепостей. Здесь получены сведения, что чувство сострадания о несчастном положении г. Чеодаева единодушно разделяется всею московской публикой. Вследствие

сего государю императору угодно, чтобы ваше сиятельство, по долгу звания вашего, приняли надлежащие меры к оказанию г. Чеодаеву всевозможных попечений и медицинских пособий. Его величество повелевает, дабы вы поручили лечение его искусному медику, вменив сему последнему в обязанность непременно каждое утро посещать г. Чеодаева, и чтоб сделано было распоряжение, дабы г. Чеодаев не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха; одним словом, чтобы были употреблены все средства к восстановлению его здоровья. — Государю императору угодно, чтобы ваше сиятельство о положении Чеодаева каждомесячно доносили его величеству».

С меньшим шумом прошла расправа над Лермонтовым за стихи 1837 г. на смерть Пушкина. Поэт был переведен на Кавказ, откуда, благодаря заботам влиятельных родственников, вскоре вернулся обратно. Знакомство с жандармами, повидимому, произвело на Лермонтова должное впечатление, и, отправляясь на Кавказ вторично, после дуэли с Барантом, он рассчитался со своими преследователями знаменитыми строками:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Третье литературно-политическое дело замечательно тем, что пострадал по нему не писатель, а управляющий III Отделением. В 1839 году был выпущен первый том сборника «Сто русских литераторов». В числе прочих произведений были напечатаны три вещи незадолго перед тем погибшего на Кавказе декабриста А. А. Бестужева. К ужасу властей, автор был назван не обычным своим псевдонимом «Марлинский», а полным именем, отчеством и фамилией, и к изданию был приложен портрет Бестужева. Поднялся страшный переполох. Цензура получила экстренный запрос: «Кто осмелился пропустить портрет Бестужева?» На поверку оказалось, что виновником является не кто иной, как сам старший инквизитор А. Н. Мордвинов, по небрежности пропустивший портрет в печать. Под Мордвинова уже давно подкапывался его соперник, начальник штаба Корпуса жандармов Дубельт, и Мордвинов был отрешен от должности.

В таких формах протекала борьба с литературной крамолой до 1848 г. С конца 40-х гг. оживляется общественная борьба, оживляется и литературная жизнь. В русскую публицистику вступает поколение мелкобуржуазной демократии, с ее утопически-социалистическими теориями и политическим радикализмом. Жандармы почувствовали струю свежего воздуха, но не сумели определить, из какой щели она идет. И здесь III Отделение пошло по стопам своих предшественников.

Вся беда в растленном Западе, где происходят революции и низвергаются законные власти; оттуда приходят и коммунистические теории. Нужно было плотно забить «окно в Европу».

Уже цитированный нами отчет о деятельности III Отделения за пятьдесят лет следующим образом изображает положение дел к этому времени:

«Собственно в России не было никакого повода опасаться волнений или беспорядков. Общее настроение русского общества отличалось не только полным спокойствием, но даже некоторою вялостью. Еще в 1843 г. наблюдение указывало, что «высшее общество, которое в прежнее время дозволяло себе рассуждать о действиях правительства, гласно хваля и порицая принимаемые им меры, уклоняется ныне от подобных суждений и ко всему хранит какое-то равнодушие; то же самое замечается и в других слоях общества: все как-будто поражены какою-то апатиею». Но и в этом апатическом обществе молодежь не могла остаться ко всему безучастною, и в среде ее начинали мало-по-малу распространяться учения, увлекавшие юные умы новизною....

«В видах охранения нашего отечества от наглых разрушительных теорий, волновавших Западную Европу, высочайше повелено было принять решительные и энергические меры, большая часть коих была возложена на III Отделение: последовало распоряжение о строжайшем наблюдении

за всеми иностранцами, в особенности же за французами, проживающими в пределах империи; запрещен был въезд в Россию первоначально французам, а вскоре и прочим европейцам, за весьма незначительными исключениями; русским подданным выезд за границу разрешался не иначе, как по особо важным, исключительным причинам, тем же, которые находились уже за границею, сделано было приглашение возвратиться в отечество; ввоз иностранных книг был подвергнут новым правилам, лишавшим книгопродавцев возможности с прежней легкостью распространять запрещенные сочинения; произведены были обыски во многих книжных магазинах С.-Петербурга, Москвы, Риги и Дерпта, при чем найденные в значительном числе недозволенные цензурою книги были конфискованы, а виновные книгопродавцы преданы суду; усилено наблюдение за ходом воспитания в России, за литературою и особенно за журналистикою; учреждены особые комитеты — один для рассмотрения всех русских журналов последних лет и другой для наблюдения за всеми журналами и книгами, выходящими в России; повелено дополнить цензурный устав, а цензорам подтверждено обращать бдительное внимание на журнальные статьи».

Учреждение специального цензурного комитета (названного по имени его председателя Бутурлинским) открыло собой «эпоху цензурного террора», продолжавшуюся до 1855 г. В этот период

арестовывается и ссылается целый ряд писателей (Салтыков, Самарин, Тургенев), придирчивость цензуры доходит до своего апогея, в «коммунизме» обвиняются самые благонамеренные авторы. Запрещалось не только следовать социалистическим идеям, но даже опровергать их, потому что в процессе полемики приходится излагать и «самые правила этих систем, ложные для ума зрелого и благонамеренного, но всегда вредные в чтении людей легкомысленных».

Но от этих дел III Отделение стояло уже несколько в стороне. Оно оставило за собою верховный надзор за литературой, но основную работу передало цензурному комитету. Теперь жандармы интересуются уже не столько литературой, сколько литераторами. На деле петрашевцев с идиллией пришлось расстаться. В 1848 г. Дубельт еще не мог предположить, чтобы Белинский был сознательным проповедником социалистических взглядов. В 1849 г. он искренно огорчался, что Белинский умер и нельзя его вместе с петрашевцами сослать на каторгу. Но, поняв происшедшую перемену, жандармы предпочли сдать в другие руки хлопотливое дело литературной цензуры, оставив за собой надзор и возможность уличать чиновников цензурного комитета в оплошностях. Это было тем более своевременно, что следить за литературой становилось все труднее: русские публицисты того времени превосходно изучили тонкости так называемого «эзоповского» языка

и искусно действовали по рецепту, впоследствии сформулированному Некрасовым:

Переносится действие в Пизу
И спасен многотомный роман.

Будни III отделения

Мы остановились на той стороне деятельности III Отделения, которая имела непосредственный политический характер. Но политические дела, настоящие или мнимые, бывали не так часты в жандармской практике. Это были праздники, сулившие повышения и награды, дававшие возможность разворачивать работу, сыпать всеподданнейшими докладами, отправлять фельдъегерей во все концы страны, словом, суетиться и производить патриотический шум. Праздники эти по возможности затягивались, в случае долгого отсутствия изобретались, но все-таки бывали не каждый день. А между тем люди, служившие в «здании у Цепного моста», без работы никогда не сидели. Наоборот, учреждение это было чрезвычайно деловое.

Просматривая описи архива III Отделения, поражаешься той бездне совершенно незначительных и никакого государственного значения не имевших дел, которыми занимались жандармы. В своем стремлении охватить всю жизнь населения, они вмешивались решительно во всякое дело, куда представлялась возможность вмешаться. Семейная жизнь, торговые сделки, личные ссоры,

проекты изобретений, побеги послушников из монастырей — все интересовало тайную полицию. В то же время III Отделение получало огромное количество прошений, жалоб, доносов, и по каждому шло расследование, на каждое заводилось особое дело.

Мы не будем особенно долго задерживать читателя на характеристике жандармских будней. Хотя количественно дела такого рода и занимали основное место в работе надзора, но для нас они не представляют интереса. Все же нужно сказать несколько слов и о них — для полноты картины.

Занимавшиеся этими мелкими делами жандармы не считали своей работы малозначительной. Наоборот, в отчете о пятидесятилетии III Отделения с удовлетворением констатируется, что «эта часть делопроизводства отделения отличалась особенною обширностью, так как в сороковых годах ежегодно поступало от двух до пяти с половиною тысяч просьб, кроме всеподданнейших прошений, подаваемых во время высочайших путешествий, число коих колебалось между четырьмя и десятью тысячами. От лиц всех сословий без изъятия как русских подданных, так и иностранцев, проживающих и в России и за границею, поступали просьбы и жалобы по частным делам самого разнообразного содержания.»

Далее отчет дает сжатую классификацию этих просьб и жалоб. Хотя классификация эта и не является исчерпывающей, но все же она дает

представление о широте и разнообразности жандармских интересов.

«Предметами просьб были в особенности:

а) содействие к получению удовлетворения по документам, не облеченным в законную форму;

б) освобождение от взысканий по безденежным заемным письмам и тому подобным актам;

в) пересмотр в высших судебных местах дел, решенных в низших инстанциях, остановление исполнения судебных постановлений, отмена распоряжений правительственных мест и лиц;

г) восстановление права апелляции на решения судебных мест;

д) домогательство о разборе тяжебных дел вне порядка и правил, установленных законами;

е) помещение детей на казенный счет в учебные заведения;

ж) причисление незаконных детей к законным, вследствие вступления родителей их в брак между собою;

з) назначение денежных пособий, пенсий, аренд и наград;

и) рассрочка и сложение казенных взысканий;

і) возвращение прав состояния, облегчение участи состоящих под наказанием, освобождение содержащихся под стражею;

к) с представлением проектов по разным предприятиям и изобретениям.

Жалобы были двух родов:

1) на поступки частных лиц и 2) на действия присутственных мест и должностных лиц.

Жалобы первого рода преимущественно подавались

а) на личные оскорбления,

б) на нарушение супружеских обязанностей с просьбами жен о снабжении их видами для отдельного проживания и обеспечения их существования на счет мужей;

в) на обольщение девиц;

г) на неповиновение детей родителям и на злоупотребление родительскою властью;

д) на неблаговидные поступки родственников по делам о наследстве;

е) на злоупотребление опекунов;

ж) по делам о подлоге и несоблюдении форм в составлении духовных завещаний и

з) помещиков на крестьян и обратно.

Жалобы второго рода преимущественно обращены были

а) на бездействие или медленность по денежным взысканиям;

б) на пристрастие, медленность и упущения при производстве следствий при рассмотрении дел гражданских и уголовных, при исполнении судебных решений и приговоров и

в) на оставление просьб и жалоб без разрешения со стороны начальствующих лиц.

В некоторых просьбах и жалобах заключались, кроме того, указания на злоупотребления частных лиц по взносам казенных пошлин, по порубке, по поджогу казенных лесов, по питейным откупам, по подрядам и поставкам и т. п.»

Далеко не всегда III Отделение ожидало, пока жалобщик или проситель обратится к нему, как к высшей государственной инстанции. Местные полицейские власти аккуратно доносили о «всех вообще происшествиях», и часто внимание начальства останавливали самые пустяковые подробности. Где-нибудь крестьяне сообщили местным властям, что им известно подземелье, в котором хранится клад. Дело не может обойтись без участия жандармского офицера. На прикомандирование такового испрашивается разрешение центра. Шеф жандармов пишет доклад императору. Николай решает: «Объявить доносителям что если вздор показывают, то с ними поступлено будет, как с сумасшедшими (читатель уже успел заметить, что сумасшествие в те времена определялось высочайшими резолюциями); хотят ли на сие решиться, и если настаивать будут ,то послать.» К крестьянам прикомандировывается жандармский подполковник, и все вместе отправляются на поиски клада, которого, конечно, не находят. Напуганные заварившейся вокруг этого дела кутерьмой крестьяне каются, что судили по преданию и приметам, что «сами в погребе не были, а поверили другим, и что впрочем подземельных сок-

ровищ без разрыв-травы открыть нельзя». Дело опять движется по инстанциям и снова доходит до верховного жандарма. Царское слово не может быть нарушено, и новая высочайшая резолюция гласит: «Так как было им обещано, что с ними поступлено будет, как с лишенными ума, то послать их на год в ближний смирительный дом».

Дел такого масштаба, прошедших через III Отделение и представленных на высочайшее разрешение, тысячи. Но особенно опекали жандармы нравственность и семейный мир населения. Николай, постоянно изменявший своей жене и обративший дворцовых фрейлин в султанских одалисок, страшно беспокоился о моральных устоях своих подданных. В этом отношении очень показательна рассказанная П. Е. Щеголевым история о «любви в равелине».

В мае 1851 г., когда Николай Павлович по важным государственным делам находился в Варшаве, в столице произошло событие, никакого политического значения не имевшее. Отставной гвардейский офицер князь Трубецкой увез в неизвестном направлении жену сына коммерции советника Жадимировского. О деле узнали в III Отделении, и Дубельт сообщил в очередной эстафете шефу жандармов Орлову. Обычным порядком было доложено императору, который распорядился во что бы то ни стало поймать беглецов. И III Отделение пришло в движение.

По разным направлениям помчались жандармские офицеры, зашевелились местные власти, в столицу отправлялись экстренные курьеры. Николай все время следил за ходом дела. Наконец в одном из кавказских портов злополучная чета, собиравшаяся переправиться за границу, была найдена и доставлена оттуда в Петербург. Жадимировскую вернули мужу, а Трубецкого засадили в Алексеевский равелин, откуда он вышел уже разжалованным рядовым; и только шесть лет спустя, в 1857 г., Трубецкой смог соединиться с любимой женщиной.

Мы обращаем внимание читателя не на роман, трогательно описанный П. Е. Щеголевым, а на отношение к этому роману жандармских властей. Из-за частного бытового дела приводится в движение вся машина высшей полиции, тратится несколько тысяч казенных денег, отвлекается от дела местная администрация. Зато закон и религия торжествуют, и официальный порок наказан.

В этой шумной суете по маленьким делам и проходили труды и дни III Отделения. Среди семейных дрязг, судебных жалоб и ложных доносов (говорят, по субботам жандармы устраивали сожжения доносов за неделю) некогда было пожаловаться на безделье. Наоборот, штат приходилось все время увеличивать. И Николай Павлович мог быть доволен: жандармы работают на пользу отечества, не покладая рук, «шпионская контора» пишет...

Люди и нравы III Отделения

Мы характеризовали круг действий III Отделения и тот «блестяще организованный беспорядок», к которому фактически сводилась его государственная работа. Напоследок остановимся на некоторых бытовых штрихах жандармской жизни и на ее руководителях.

С основания III Отделения и до своей смерти шефом жандармов был граф А. Х. Бенкендорф. В 1844 г. его сменил граф (впоследствии князь) А. Ф. Орлов.

Александр Христофорович Бенкендорф выдвинулся в качестве храброго боевого генерала еще при Александре I и в 1819 г. получил звание царского генерал-адъютанта. Уже в это время он обнаружил вкус к делу тайной полиции, но поощрения не получил. 14 декабря 1825 г. он командовал частью правительственных войск, затем был назначен членом следственной комиссии по делу декабристов. На этом посту он сблизился с молодым царем, только начинавшим испытывать свои полицейско-следовательские дарования. Мы уже знаем записку, представленную Бенкендорфом об организации Министерства полиции. За все эти заслуги на него, как из рога изобилия, посыпались царские милости. Он не только стал ближайшим другом императора и начальником самого значительного государственного учреждения, но получил ряд менее почет-

ных, но не менее существенных подношений в виде десятков тысяч десятин земли, крепостных душ и проч.

17 лет стоял Бенкендорф во главе III Отделения и, как это ни странно, не сумел приобрести не то что любви, а даже ненависти со стороны угнетавшихся III Отделением. Объяснялось это тем, что очень скоро для всех стало ясно, что Бенкендорф фактически играет очень незначительную роль в жандармских делах. Это был человек дряблой воли, лишенный каких бы то ни было государственных дарований, кроме безграничной преданности царю и умения снискать его дружбу. О его рассеянности ходили анекдоты самого невероятного свойства — вплоть до того, что он забывал свою фамилию и никак не мог вспомнить ее без помощи визитной карточки. В делах Бенкендорф был большим путаником, да к тому же плохо понимал их сущность. Его отношение к государственным вопросам прекрасно иллюстрируется следующим рассказом в записках барона М. А. Корфа:

«Однажды в Государственном совете министр юстиции, граф Панин, произносил очень длинную речь. Когда она продолжалась уже с полчаса, Бенкендорф обернулся к соседу своему, графу Орлову, с восклицанием:

— Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler! [1])

---

[1] Чорт возьми, вот это я называю уметь говорить!

— Помилуй, братец, да разве ты не слышишь, что он полчаса говорит против тебя.

— В самом деле?—отвечал Бенкендорф, который тут только понял, что речь Панина есть ответ и возражение на его представление.

Через пять минут, посмотрев на часы, он сказал: «à présent adieu, il est temps que j'aille chez l'empereur»[1], и оставил другим членам распутывать спор его с Паниным по их усмотрению».

Так характеризуют Бенкендорфа вполне благожелательные к нему мемуаристы. Даже верный лакей III Отделения Греч именует его «бестолковым царедворцем», «добрым, но пустым». В том же собственно направлении мы можем найти отзывы и из противоположного лагеря. Так, Герцен сделал следующую зарисовку наружности и внутренних качеств шефа жандармов:

«Наружность шефа жандармов не имела в себе ничего дурного; вид его был довольно общий остзейским дворянам и вообще немецкой аристократии. Лицо его было измято, устало, он имел обманчиво добрый взгляд, который часто принадлежит людям уклончивым и апатическим. Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоящей вне закона и над законом, имевшей право мешаться во все,— я готов этому верить, особенно вспоминая пресное выра-

[1] «Ну, прощай, мне пора к императору».

жение его лица,— но и добра он не сделал, на это у него не доставало энергии, воли, сердца.»

Немудрено, что, обладая такими свойствами, Бенкендорф ограничивался представительством своего учреждения, не вмешиваясь детально в его дела. Подчиненные быстро сообразили, что угодить шефу можно быстрыми и твердыми ответами, хотя бы взятыми с потолка, и все шло хорошо. Сам же Бенкендорф пребывал в неизменном сознании блестящей налаженности подчиненного ему аппарата и собственной незаменимости.

Преемник Бенкендорфа, Алексей Федорович Орлов, ничем не превосходил его в смысле государственных способностей, а по уму и опыту даже уступал. Единственной его заслугой была дружба с царем. В практической же деятельности он отличался полной ленью и никакого, собственно, отпечатка на физиономию III Отделения не наложил... Заведенная при Бенкендорфе система осталась в полной сохранности, и только докладывал вместо умершего шефа новый.

Современники сразу поняли, почему во главе тайной канцелярии стоят полнейшие ничтожества. Вспоминая о смерти начальника александровской полиции Милорадовича, который, умирая, заботился о своем старом враче, Герцен писал:

«Прозаическому, осеннему царствованию Николая не нужно было таких людей, которые, ра-

неные на смерть, помнят о старом лекаре и умирая не знают, что завещать, кроме просьбы о сыне приятеля. Эти люди вообще неловки, громко говорят, шумят, иногда возражают, судят вкривь и вкось; они, правда, готовы всегда лить свою кровь на поле сражения и служить до конца дней своих верой и правдой; но войны внешней тогда не предвиделось, а для внутренней они неспособны. Говорят, что граф Бенкендорф, входя к государю, — а ходил он к нему раз пять в день,—всякий раз бледнел: вот какие люди нужны были новому государю. Ему нужны были агенты, а не помощники, исполнители, а не советники, вестовые, а не воины. Он никогда не мог придумать, что сделать из умнейшего из всех русских генералов, Ермолова, и оставил его в праздности доживать век в Москве».

Николай не потерпел бы около себя даже тупой, но упорной воли Аракчеева, не говоря уже о талантах, подобных Сперанскому. Он хотел править единодержавно в полном смысле этого слова, хотел лично разрешать все без исключения государственные дела. Для этого он и учредил «собственную канцелярию», во главе которой ставил людей, единственным качеством которых была их преданность царю. Все почти дела III Отделения разрешались императором, и жандармы далеко не всегда могли заранее учесть, как обернется то или другое дело. Поэтому, говоря о людях III Отделения, мы не должны за-

бывать и старшего жандарма — императора Николая Павловича. Чтобы познакомить читателя с этим родом его деятельности, приведем несколько типичных резолюций по различным делам III Отделения (выше уже продемонстрированы два-три образчика царского творчества).

Николай очень любил тешить в себе иллюзию, что массы любят его. Поэтому он очень опасливо относился ко всяким подававшимся на его имя просьбам и не любил, когда эти просьбы читались другими. В январе 1828 г. шеф жандармов доложил, что «воронежский преосвященный Антоний объявил полковнику к. ж. Волкову, что в домашней его церкви найден запечатанный конверт со вложением пакета, также запечатанного, на высочайшее имя. Для скорейшего разыскания и открытия сочинителя сих бумаг они решились распечатать пакет на высочайшее имя и нашли в нем одни необдуманные предложения насчет преобразования некоторых частей управления».

Дело было довольно обычное: записок с жалобами на административные и судебные инстанции в те времена подавалось бесконечное множество. Николая возмутило не бесправие населения, вынужденного прибегать к таким способам жалоб, а поведение местного начальства, осмелившегося распечатать письмо на высочайшее имя. Резолюция гласила: «Поступлено неправильно, ибо всякая бумага на мое имя должна доходить

до меня в целости. Сделать строжайший выговор подполк. Волкову и преосв. Антонию за то, что смели распечатать бумагу, писанную на мое имя».

Очень часто приходилось Николаю выслушивать просьбы о смягчении участи декабристов и польских повстанцев; но обычные резолюции лаконически гласили: «рано», «не заслужил», «подождать». С неменьшей нетерпимостью относился он и к более скромным просьбам, нарушавшим казарменный строй жизни империи. В этом смысле очень показательны его резолюции по делам о выезде за границу. Так, в 1832 г. отставной поручик Шемиот просил разрешения ехать лечиться в Мариенбад. В прошлом у поручика был криминал (дуэль), и Николай решил, что Шемиоту достаточно съездить к Кавказским водам. Не любил он также, когда его подданные предпринимали заграничные путешествия с образовательной целью: этим косвенно порицалась русская школа. В 1834 г. генерал-губернатор барон Пален, по просьбе рижского купца фон-Бульмеринга, ходатайствовал «о дозволении отдать в Любскую торговую академию, для усовершенствования в торговых науках, на один год шестнадцатилетнего сына его Александра, который приготовляется им в торговое звание». На докладе по этому делу мы читаем не резолюцию, а окрик: «Нет; а барону Палену заметить, чтобы впредь не смел входить с подобными представлениями, противными закону».

За многообразными занятиями своими Николай не забывал и литературы. Он сам был «цензором» Пушкина, считал себя просвещенным любителем искусства и, при случае, контролировал обычную цензуру. Прочитав сборник «Русских сказок» Даля, он нашел в нем «дурное направление мысли» и предписал шефу жандармов: «Не мешает удостовериться, что за занятия автора и с кем оный знаком; уведомить меня об этом, а завтра вечером можно будет взять его с бумагами».

Позер и лицемер, Николай любил приобретать популярность мелким великодушием. Вскоре после казни декабристов ему донесли, что крестьянин Владимирской губернии Василий Гаврилов предан уголовному суду за слова: «у нас нет государя». Суд приговорил Гаврилова к 50 ударам плети. На докладе по этому делу красуется одно слово: «Простить».

Из Житомирской крепости бежал государственный преступник граф Олизар. Старый майор, комендант крепости, был предан военному суду и разжалован в солдаты. Сыновья майора обратились с просьбой разрешить им принять на себя отцовское наказание. Последовала резолюция: «Во уважение благородного подвига сыновей, отца простить, но с тем, чтобы никуда не определять».

Если эти и подобные им резолюции и вытекали из демагогического расчета, то вот обра-

зец интимного лицемерия, лицемерия наедине с самим собой. В Иркутской губернии находился в ссылке старик-декабрист барон В. И. Штейнгейль. Глубоко религиозный человек, он ожидал смерти и хотел «простить врагам своим» и получить от них такое же прощение. По просьбе Штейнгейля, Бенкендорф вошел с ходатайством о «прощении ему в сердце государя». И Николай, до конца жизни не устававший преследовать декабристов, великодушно ответил: «Давно в душе простил его и всех».

Приведенные примеры, конечно, не исчерпывают всего разнообразия жандармских интересов императора; но они дают представление, до каких деталей доходило его внимание. А так как ведомств было много и по каждому Николай имел свое мнение, то фактически он ни одного не имел возможности направить. И движущей пружиной III Отделения на практике являлся очередной помощник шефа жандармов, сначала носивший звание директора канцелярии, а потом управляющего III Отделением. Таких помощников в николаевское время сменилось три: М. Я. фон-Фок, А. Н. Мордвинов и Л. В. Дубельт.

Организатором III Отделения был Фок. То был старый полицейский волк, начавший службу еще при Балашове и под непосредственным руководством де-Санглена. Воспитавшись в школе последнего, он сменил его и оставался на посту

директора канцелярии сначала Министерства полиции, а потом внутренних дел и со всем своим аппаратом перешел в III Отделение. «Я был знаком с директором особенной канцелярии министра внутренних дел (что ныне III Отделение канцелярии государя) Максимом Яковлевичем фон-Фоком,—писал Н. И. Греч, имевший, правда, особые причины симпатизировать столпам жандармского корпуса,—с 1812 года и пользовался его дружбою и благосклонностью. Он был человек умный, благородный, нежный душой, образованный, в службе честный и справедливый... Бенкендорф был одолжен ему своею репутацией ума и знания дела...» Оставляя в стороне панегирик Фоку (хотя не только Греч, но и почти все мемуаристы того времени отзываются о нем довольно сочувственно [1]), мы не можем пройти мимо последнего замечания Греча, человека достаточно сведущего в внутренних взаимоотношениях III Отделения.

Фок явился в III Отделение во всеоружии полицейских методов александровского периода. Но времена настали иные. Возвысив полицию до роли высшего государственного органа страны, Николай стремился придать ей некоторое благообразие. Недаром сохранился анекдот о платке для утирания слез обездоленных, который был им вручен Бенкендорфу в качестве инструкции.

---

1 Пушкин даже занес в свою записную книжку по поводу смерти Фока: «Смерть его есть бедствие общественное»

Старые полицейские методы вызывали недовольство дворянства, и, перестраивая полицейский аппарат, правительство стремилось вовлечь побольше офицеров и дворян, привлечь интерес благородного сословия к жандармской службе. «Чины, кресты, благодарность служат для офицера лучшим поощрением, нежели денежные награды»,—писал Бенкендорф в цитированной выше записке 1826 г. Деятели старой школы недоумевали и не могли воспринять нового направления. В 1829 г. великий князь Константин писал Бенкендорфу: «Вам угодно было написать мне о жандармской службе в бывших польских провинциях и сообщить также о выгодах, кои последовали бы для этой службы в Вильне, если бы штабс-капитан Клемчинский мог быть назначен туда в качестве адъютанта при начальнике отдела; тем более, что, будучи уроженцем края, он мог бы иметь удобнейшие отношения в нем, при своих связях, интересах и родстве, а также благодаря хорошей репутации, которою он там пользуется».

По мнению великого князя, именно эти причины свидетельствовали о непригодности этого офицера. Но искавшее популярности у дворянства правительство шло своим путем. Недаром Герцен заставляет председателя уголовной палаты говорить о Бельтове: «Мне, сказать откровенно, этот господин подозрителен: он или промотался, или в связи с полицией, или сам под над-

зором полиции. Помилуйте, тащиться 900 вер
на выборы, имея 3000 душ!» Богатый и образо
ванный помещик был, конечно, желанным р
крутом для жандармских вербовщиков.

Фок быстро почуял новую моду и начал к не
приспособляться. В своих письмах Бенкендор
фу летом 1826 г. он рекомендует шефу новы
сотрудников, набираемых из рядов столичног
и провинциального дворянства... При Фоке на
чался процесс создания благородного и чувстви
тельного полицейского в голубом мундире; н
окончить создание этого типа Фок не мог: слиш
ком крепка была в нем привязанность к стары
методам работы, к агентам, набираемым из по
донков общества, покупаемым деньгами и угро
зами.

В 1831 г. Фок умер и был заменен Мордви
новым. К сожалению, мы не располагаем данны
ми о роли Мордвинова в III Отделении. Характе
ристику его, мимоходом, дал Герцен, считавший
что Мордвинов был единственным в жандармско
среде «инквизитором по убеждению». Но уже
период владычества Мордвинова фигура ег
стала отходить на задний план по сравнению
им же рекомендованным Дубельтом. Кончилос
тем, что Дубельт заменил Мордвинова и надолго
олицетворил в себе одном все III Отделение.

Леонтий Васильевич Дубельт был фигура не
заурядная. Вряд ли кто-нибудь из его коллег удо
стоился бы характеристики, подобной той, кото

рую он получил от Герцена: «Дубельт—лицо оригинальное, он наверное умнее всего Третьего и всех трех отделений собственной канцелярии. Исхудалое лицо его, оттененное длинными светлыми усами, усталый взгляд, особенно рытвины на щеках и на лбу, ясно свидетельствовали, что много страстей боролось в этой груди, прежде чем голубой мундир победил или, лучше, накрыл все, что там было. Черты его имели что-то волчье и даже лисье, т.-е. выражали тонкую смышленность хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость».

В двадцатых годах Дубельт был свободомыслящим: он состоял членом двух масонских лож и даже был привлечен по делу декабристов. Может быть, и не без труда сменил Дубельт свой армейский мундир на жандармскую лазурь, но имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют скорее о высокой степени лицемерия перед самим собой, чем о борьбе страстей в этот знаменательный момент его жизни. Жене своей, боявшейся, что он замарает свое имя и честь жандармской службой, он писал: «Не будь жандарм», говоришь ты! Но понимаешь ли ты, понимает ли Александр Николаевич (Мордвинов) существо дела? Ежели я, вступя в Корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе мое имя, конечно, будет запятнано. Но ежели, напротив, я, не мешаясь в дела, относящиеся до внутренней полиции, буду опорою бед-

ных, защитою несчастных, ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжебным делам прямое и справедливое направление, — тогда чем назовешь ты меня?»

Мы знаем, как мало вмешивался Дубельт в «дела, относящиеся до внутренней полиции». И только особому, свойственному ему сентиментальному лицемерию можно приписать и эти чувствительные строки и многое в его позднейших поступках. Правда, ему нельзя отказать в некоторых положительных чертах,— но общая его характеристика верно дана Герценом, проницательно обнаружившим под маской учтивости и благосклонности подлинный волчий облик Дубельта. Они поняли друг друга: не даром Дубельт с такой нетерпимостью относился к одному только упоминанию имени Герцена[1].

В 1913 г. были опубликованы «Записки» Дубельта, давшие некоторым историкам основание

---

[1] И. В. Селиванов в своих записках («Р.Ст.», 1880 г., т. XXXIII, стр. 309) рассказывает, что «вслед за упоминанием им имени Герцена... Дубельт вспыхнул, как порох; губы его затряслись, на них показалась даже пена.

— Герцен! закричал он с неистовством —У меня три тысячи десятин жалованного леса, и я не знаю такого гадкого дерева, на котором бы я его повесил.

Если и не все в этом рассказе верно, то, во всяком случае он достаточно выразителен.

заподозреть его в «убожестве мысли». Действительно, эти записки, вернее афоризмы, чрезвычайно плоски и никак не поднимаются над уровнем официальной идеологии николаевской России. Мы, однако, полагаем, что записки эти писались Дубельтом для чужого употребления, а не для себя. Поэтому он и прикидывался глупее, чем был на самом деле. Иначе нельзя объяснить то впечатление, которое он производил на современников, притом достаточно ему враждебных. Если Герцен раскусил лицемерие Дубельта, притворявшегося добряком и любившего, чтобы к нему обращались с ссылками на «всем известную его доброту», то на других Дубельт умел производить чарующее впечатление. Известный польский революционер Сераковский, познакомившись с Дубельтом непосредственно перед заключением в крепость, писал ему: «Генерал! Счастливы юноши, что вы стражем порядка. Вы старик, но с верующею, неугасающею душою. Я уже решился! Выслушайте меня сами, зайдите ко мне сами, генерал. Богу помолюсь за вас!»

Своей учтиво-сентиментальной манерой Дубельт умел привлекать к себе допрашиваемых: Ф. М. Достоевский, привлеченный по делу петрашевцев, называл его «преприятным человеком». Отзывов такого рода немало. Внешнее лицемерие, образцы которого жандармам преподавал Николай I, стало официальным тоном III Отделения. Именно Дубельт, окончательно сформировав ап-

парат жандармерии, завершил и создание типа «благородного жандарма».

Назначенный жандармским офицером в Симбирск Э. И. Стогов следующим образом рисует разницу между жандармами «старой школы» и им, как представителем нового поколения: «Доверие и уважение к жандармскому мундиру в Симбирске было разрушено. Передо мной был полковник Маслов, тип старинных полицейских. Он хотел быть сыщиком, ему казалось славою рыться в грязных мелочах и хвастать знанием семейных тайн. Он искал случая ко всякому прицепиться, все стращал, делал истории, хотел властвовать страхом и всем опротивел... Таким образом я явился к обществу, предубежденному к жандармскому мундиру, олицетворявшему идею доносчика и несносного придиралы даже в частной жизни». Конечно, Стогов не пошел по пути своего предшественника и, как уверяет он в своих мемуарах, снискал к себе общее расположение, примиряя враждующих, уличая неправедных, словом, доставляя жандармскому мундиру то уважение, которого он заслуживал...

Даже рядовые жандармы, по словам Герцена, на собственном опыте изведавшего прелести знакомства с ними, были «цветом учтивости»: «если бы не священная обязанность, не долг службы, они бы никогда не только не делали доносов, но и не дрались бы с форейторами и кучерами при разъездах».

Что же касается жандармов обер- и штаб-офицерских чинов, то они олицетворяли, конечно, при сношении с людьми «благородного» звания, самую изысканную любезность. Если опасного вольнодумца нужно было признать «повредившимся в уме», то, как мы видели в случае с Чаадаевым, издевательство это вызывалось только «чувством сострадания о несчастном его положении»; если подобного человека считали нелишним держать под домашним арестом или сослать куда-нибудь, то делалось это для того, чтобы он «не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха»; если его мучили и впрямь сводили с ума обязательными медицинскими осмотрами, то это являлось результатом распоряжения «употреблять все средства к восстановлению его здоровья». Литературный критик, голос которого был слишком внятен подраставшему молодому поколению и поэтому, хотя уже и перехваченный железными тисками чахотки, все еще беспокоил начальство, получал успокаивавшие, а фактически приближавшие его к смерти записки: «Вы как литератор пользуетесь известностью, об вас часто говорят: очень естественно, что управляющий III Отделением и член цензурного комитета желает вас узнать лично и даже сблизиться[1] с вами... Поверьте, что вы встретите самый ласковый и радушный

[1] Подчеркнуто нами.

прием»[1]. Официальное лицемерие, прикрывавш
внутреннюю жестокость личиной светской люб
ности и благорасположением, пронизало все о
рации III Отделения. Создался специальный
туал при арестах, допросах и пр. Так, по от
шению к арестованным проявлялась особая
ботливость в смысле снабжения их курительны
принадлежностями согласно их вкусам и прив
кам. При допросах, особенно если обвиняем
молод, считалось уместным вызвать перед н
образ его родителей, которые будут сокруше
когда узнают меру виновности сына, прояв
участие, дать надежду на оправдание при над
жащих ответах.

А. К. Толстой в своей сатире «Сон Попо
следующим образом рисует допрос в III Отде
нии:

Но дверь отверзлась, и явился в ней
С лицом почтенным, грустию покрытым,
Лазоревый полковник. Из очей
Катились слезы по его ланитам.
Обильно их струящийся ручей
Он утирал платком, узором шитым,
И про себя шептал: «Так! Это он!
Таким он был едва лишь из пелен».
— О, юноша,—он продолжал, вздыхая
(Попову было слишком сорок лет),
Моя душа для вашей не чужая!
Я в те года, когда мы ездим в свет,
Знал вашу мать. Она была святая!
Т[illegible]к — увы! — теперь уж боле нет!
Когда б она досель была к вам близко,

---

[1] Из записки М. М. Попова В. Г. Белинскому от 27 м
та 1848 г. «Р. Ст.», 1882 г., т. XXXVI, стр. 434—435. Бел
ский умер 26 [illegible] того же года.

Вы б не упали нравственно так низко!
Но, юный друг, для набожных сердец
К отверженным не может быть презренья,
И я хочу вам быть второй отец,
Хочу вам дать для жизни наставленье.
Заблудших так приводим мы овец
Со дна трущоб на чистый путь спасенья.
Откройтесь мне равно как на духу:
Что привело вас к этому греху?

Описываемый им допрос советника Попова, как две капли воды похож на допрос петрашевца Ахшарумова: «Ахшарумов!» сказал мне справа сидевший за столом генерал (это был Ростовцев, как я узнал впоследствии): «мне жаль вас. Я знал вашего отца,— он был заслуженный генерал, преданный государю, а вы, сын его, сделались участником такого дела!» Обращаясь ко мне с этими словами, он смотрел на меня пристально, как бы с участием, и в глазах его показались слезы. Меня удивило это участие незнакомого мне лица, и оно показалось мне искренним».

Подобный стиль наружных отношений III Отделения требовал и соответственного подбора служащих. Даже квартальные надзиратели того времени, чуя моду, старались блеснуть округлостью движений, мягкостью и благородством манер. В самом же полицейском святилище эти качества требовались в особой степени. Дубельт охотно приглашал к себе на службу армейских или морских офицеров, если только они обладали должным образом мыслей и подавали надежды на посвящение их в [illegible] армском духе

Если они ехали в провинцию, им рекомендовалось «утирать слезы несчастных и отвращать злоупотребления власти, а обществу содействовать, быть в согласии». Они должны были стараться снискать любовь окружающих, не злоупотреблять картами и пр. По отношению к начальству они должны были вести себя как послушные дети, подобно тому жандармскому майору, который однажды донес, что, «поставив себе непременным правилом быть вполне откровенным перед начальством», он священным долгом считает довести до его сведения, что «с настоящего числа он надел парик». Всеми этими мероприятиями Дубельт действительно поднял жандармский корпус на известную высоту, и отношение общества к жандармам оказывалось довольно терпимым. Тот же Герцен, которого никак нельзя обвинить в излишней любви к этому сословию, пишет о них:

«Большая часть между ними были довольно добрые люди, вовсе не шпионы, а люди, случайно занесенные в жандармский дивизион. Молодые дворяне, мало или ничему не учившиеся, без состояния, не зная, куда приклонить главы, они были жандармами, потому что не нашли другого дела». Несколько далее он же замечает: «Нельзя быть шпионом, торгашом чужого разврата и честным человеком, но можно быть жандармским офицером, не утратив всего человеческого достоинства».

В связи со всем этим в III Отделении стали не то что косо, но презрительно смотреть на доброхотных доносителей, разведчиков-партизанов. Конечно, от услуг их не отказывались, но, с одной стороны, слишком велик был процент ложных доносов, и доверие к ним несколько уменьшалось, с другой — уж больно они не подходили к новым приемам и манерам этого учреждения. Полуграмотные агенты из кантонистов тоже не могли, конечно, равняться с образованными и разыгрывавшими листовские концерты (а подчас и сочинявшими, и не всегда плохо) лазоревыми офицерами. П. П. Каратыгин рассказывает о Бенкендорфе и Дубельте, что они «презирали доносчиков-любителей, зная очень хорошо, что в руках подлецов донос весьма часто бывает орудием мести... Л. В. Дубельт при выдаче денежных наград — десятками или сотнями рублей — придерживался цифры трех... «В память тридцати сребренников» — пояснял он...»

Если от этого рассказа и отдает немного анекдотом, то тенденция его все же верна,— подтверждение ее мы найдем и у Герцена.

Задача была выполнена: «высшее общество» и «средний класс», т.-е. дворянство и буржуазия, смотрели на жандармов с ужасом, но без презрения. Даже известная всем склонность «благородных жандармов» к наживе не смущала общество: в те времена крали и брали все. Сентиментальный Дубельт, наизусть цитировавший свя-

щенное писание, состоял пайщиком в крупном игорном притоне Политковского, где проигрывались сотни тысяч казенных денег. На вырученные таким образом доходы Дубельт покупал имения и записывал их на имя жены. Бенкендорф принимал участие в ряде промышленных акционерных предприятий и помогал им устраивать свои дела. Меньшие полицейские просто брали взятки. Один из частных приставов Петербурга, объехавши все пять частей света, с клятвой уверял, что вторая адмиралтейская часть лучший уголок в мире...

Но все это были кулисы полицейской жизни. Наружу жандармы являлись в голубом, как небо, мундире и белоснежных перчатках. Так же безоблачна и чиста должна была быть жандармская совесть. А за стенами здания у Цепного моста, когда нужно было, перчатки снимались и в руки брался кнут, умевший оставлять кровавые следы.

ЛИТЕРАТУРА

М. Н. Покровский.— Русская история с древнейших времен, т. IV.

М. Н. Покровский.— Русская история в самом сжатом очерке, ч. I—II.

А. Е. Пресняков.— Апогей самодержавия. Л. 1925.

А. Е. Пресняков.—Александр I. Л., 1924.

Н. К. Шильдер.—Император Николай I.

Н. К. Шильдер.— Император Александр I.

А. И. Герцен.— Полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке в 22 тт. (в разных томах).

«Обзор деятельности III Отделения за 50 лет. 1826—1876» «Вестник Европы», 1917, март.

«Министерство внутренних дел 1802—1902». Исторический очерк.

Н. Варадинов.— История Министерства внутренних дел, ч. II, кн. I, СПБ. 1859.

Граф А. Х. Бенкендорф о России 1827—1830 гг. «Красный Архив», 1929—1930, тт. 37—38.

«Донесения М. Я. Фока А. Х. Бенкендорфу». «Русская Старина», 1881, т. XXXII.

И. Тарасов.—История русской полиции и отношения ее к юстиции. «Юридический Вестник», 1884, кн. II—III—IV.

М. А. Корф.— Деятели и участники падения Сперанского. «Русская Старина», 1902, т. CIX.

Ф. Ф. Вигель.— Воспоминания.

К. А. Пажитнов.— Волнения среди фабрично-заводских рабочих. «Архив истории труда в России», кн. I—II.

А. А. Сергеев.— К истории рабочего класса в России «Красный Архив», 1922, т. II.

С. Я. Штрайх.— Роман Медокс, русский авантюрист XIX века. М. 1929.

И. Троцкий.— Первый провокатор-профессионал. «Новый Мир», 1929, кн. II.

М. К. Лемке.— Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. 1908.

Б. Л. Модзалевский.— Пушкин под тайным надзором. П. 1922.

М. К. Лемке.— Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПБ, 1904.

А. В. Никитенко.— Записки и дневник, т. I, СПБ, 1905.

П. Е. Щеголев.— Любовь в равелине. Сборник статей. «Алексеевский равелин». М. 1929.

Л. В. Дубельт.— Записки. «Голос Минувшего», 1913, кн. III.

Н. В.— Л. В. Дубельт.— «Русская Старина», 1880, т. XXIX.

П. П. Каратыгин.— Бенкендорф и Дубельт. «Исторический Вестник», 1887, т. XXX.

Э. И. Стогов.— Очерки, рассказы и воспоминания. «Русская Старина», 1878, т. XXIII.

Э. И. Стогов. — Записки. «Русская Старина», 1903, т. CXIV.

О. А. Пржецлавский.— Воспоминания. «Русская Старина» 1874, т. XI. 1875, т. XIV.

А. И. Ломачевский.— Записки жандарма. «Вестник Европы», 1872, март-апрель.

Д. Д. Ахшарумов.— Из моих воспоминаний. СПБ, 1905.

И. В. Селиванов. — Записки. «Русская Старина», 1880, т. XXVIII.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

Политическая полиция в начале XIX века 5

Учреждение III Отделения и социальная политика Николая I 27

Структура и организация III Отделения 45

Жандармы на страже самодержавия 60

Жандармы и литература 87

Будни III Отделения 110

Люди и нравы III Отделения 117

Литература 139

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПАРТИИ „НАРОДНАЯ ВОЛЯ" ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ БИОГРАФИИ НАРОДОВОЛЬЦЕВ

Н. А. Сидоров.— Лев Николаевич Гартман. Стр. 44. Ц. 15 к.

Е. Дубенская и О. Буланова.— Татьяна Ивановна Лебедева Стр. 28. Ц. 12 к.

Н. М. Дружинин.— Анна Васильевна Якимова. Стр. 48. Ц. 20 к.

И. Ракитникова.— Прасковья Семеновна Ивановская. Стр. 36. Ц. 12 к.

А. Корнилова-Мороз — Софья Львовна Перовская. Стр. 48. Ц. 20 к.

Андрей Иванович Желябов.— Стр. 56. Ц. 20 к.

И. И. Попов — Герман Александрович Лопатин. Стр. 56. Ц. 20 к.

И. И. Жуковский-Жук.— Игнатий Иоакимович Гриневицкий. Стр. 36. Ц. 12 к.

А. А. Куняклъ,— Андрей Афанасьевич Франколи.— Стр. 24. Ц. 12 к.

И. И. Попов.— Петр Филиппович Якубович. Стр. 46. Ц. 15 к.

И. Жуковский-Жук.— Александр Иванович Баранников. Стр. 36. Ц. 12 к.

И. Жуковский-Жук — Мартын Рудольфович Ланганс. Стр. 28. Ц. 12 к.

И. Жуковский-Жук — Николай Евгеньевич Суханов. Стр. 40. Ц. 15 к.

А. Левандовский — Макар Васильевич Тетеркас, Стр. 36. Ц. 12 к.

В КАЖДОЙ БРОШЮРЕ ПОМЕЩЕН ПОРТРЕТ

ЗАКАЗЫ, ЗАПРОСЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, ГСП — 10, Лопухинский пер., 5. Тел. 3-64-73.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

№ 27. Сушкин Г. Г.— Безвестные. Стр. 32. Ц. 10 к.

№ 28-29. Жуковский-Жук И.— Как жандармы мне побег устраивали. Стр. 64. Ц. 20 к.

№ 30-31. Григорьев Р. М.— Пережитое. Стр. 68. Ц. 20 к.

№ 32-33. Мошинский И. Н.— Артем в изгнании. Стр. 44. Ц. 15 к.

№ 34. Надельштейн Д.— Живыми отсюда не выйдете. Стр. 32. Ц. 10 к.

№ 35. Горич Я.— Потерянный год революции. Стр. 32. Ц. 10 к.

№ 36 Самойленко С.— В Тифлисском застенке. Стр. 36. Ц. 10 к.

№ 37. Надельштейн Д.— О товарище Игренке. 1905 г. и прекрасной девушке Марусе. Стр. 36. Ц. 10 к.

№ 38. Плесков В.— Зерантийские побеги и подкопы. Стр. 48. Ц. 10 к.

№ 39-40. Ульянинский В.— Записки вечника. Стр.64. Ц. 20.

№ 41. Пирогова А.— Банщики. Стр. 24. Ц. 10 к.

№ 42-43. Гончаров В.— Первые зарницы. Стр. 52. Ц 20 к.

№ 44-45. Анисимов С.— Исторический город. Стр. 68. Ц. 25 к.

№ 46-47. Гессен С.— Заговор декабриста Сухинова (печатается). Стр.

№ 48. Мучник Г.— Чем мы занимались в ссылке (печатается).

№ 49. Чураев.— Свершилось (печатается).

№ 50. Анисимов С.— Тюрьма горит (печатается).

В КАЖДОЙ БРОШЮРЕ ПОМЕЩЕН ПОРТРЕТ

ЗАКАЗЫ, ЗАПРОСЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, ГСП — 10, Лопухинский пер., 5. Тел. 3-64-73.